

Демо крат

 Яблоко

Выпуск №1, 2024
yabloko.ru

20 24

УДК [323/324+329(470)Яблоко](082)
ББК 66.3(2Рос)я43 + 66.69(2Рос)я43
Р93

Демо
крат

Р93 **Демократ: информационно-политический бюллетень РОДП «Яблоко» / под редакцией Н. И. Рыбакова. М.: РОДП «Яблоко», 2024 — 64 стр., чб**

ISBN 978-5-4399-0091-6

В информационно-партийный бюллетень вошли публикации, статьи и интервью на актуальные политические темы Председателя партии Николая Рыбакова, Председателя Политического комитета партии, доктора экономических наук Григория Явлинского. Интервью Российского политического деятеля, политолога, действительного члена Российской академии наук Алексея Арбатова на тему ядерного оружия и последствиях его применения, статьи советских и российских общественных деятелей и другие публикации на актуальные политические темы

УДК [323/324+329(470)Яблоко](082)

Учредитель: Политическая партия «Российская
объединенная демократическая партия «Яблоко»

Адрес: 191017 Москва,
ул. Пятницкая, д. 31, стр. 2
+7 (495) 780-30-10
www.yabloko.ru

Главный редактор:
Николай Рыбаков

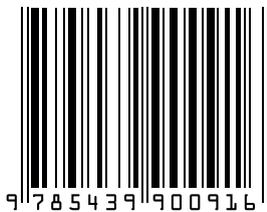
Выпускающий редактор:
Анастасия Бурлакова

Макет:
Иван Загорский

Автор иллюстрации обложки:
Есения Соловьева

16+

ISBN 978-5-4399-0091-6

Бюллетень зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ No ФС77-26104 от 03.11.2006 г.

Для детей старше 16 лет

© Партия «Яблоко», 2024

Содержание

Зачем необходимо прекращение огня. «Новая газета»	4
«Те, кто выступают за продолжение, — несут ответственность за человеческие жизни». «Живой Гвоздь»	7
О последствиях эскалации конфликта вокруг Украины. Ядерная доктрина играет на понижение порога. «Независимая газета»	20
Сомнамбулы и мир. RTVI	23
Академик Арбатов: «Правильно боитесь, потому что ядерная война — это конец нашей цивилизации, без которой выжившие позавидуют мертвым». «Комсомольская правда»	35
«Выбор всегда есть». Проект «Непрошедшее время»	38
Стихи Бориса Рыжего	62

Григорий Явлинский

Российский политик, экономист,
председатель Федерального
политического комитета партии «Яблоко»

ЗАЧЕМ НЕОБХОДИМО ПРЕКРАЩЕНИЕ ОГНЯ.

«НОВАЯ ГАЗЕТА»

11 СЕНТЯБРЯ 2024

ЧТО ПРОИСХОДИТ?

Российская армия наступает в Донбассе. Вооруженные силы Украины продолжают операцию на территории Курской области. Россия наносит ракетные удары по Харькову, Полтаве и Львову... Украина обстреливает Донецк и Белгород... Российские ракеты разрушают энергетическую инфраструктуру на украинской территории. Украинские беспилотники атакуют российские нефтеперерабатывающие заводы. Ежедневно гибнут люди — военные и гражданские, мужчины и женщины, старики и дети.

Тупиковость разрешения конфликта военным способом очевидна уже почти всем, в том числе и самим участникам конфликта на всех уровнях. Более того, продолжающаяся эскалация угрожает нарастанием масштабов столкновения и вовлечением новых сторон — вплоть до ядерного конфликта, который, вне всякого сомнения, обернется непоправимой катастрофой для всех.

ЧТО ГОВОРЯТ?

В Москве говорят, что разговаривать не с кем. В Киеве говорят, что разговаривать не о чем. В Вашингтоне говорят, что разговаривать еще

рано. В Брюсселе говорят, что разговаривать уже поздно.

СМИ наперебой публикуют анализы и разборы действий военных, цитируют экспертов, делают прогнозы — кто захватит больше населенных пунктов, какое количество солдат потребуется для удержания обороны или проведения атаки, сколько квадратных километров и кому удастся занять до зимы, сколько до весны и какой расклад сил будет к лету 2025 года.

Такой же пустой болтовней заняты в соцсетях многочисленные блогеры, выдающие себя то за политологов, то за вирусологов, то за военных экспертов. Примерно то же самое, но в иной форме и с очень серьезной миной можно услышать и от многих высокопоставленных чиновников разных калибров — министров, глав правительств и президентов.

Политики, политологи, эксперты в разных странах непрерывно обсуждают, сколько нужно еще выделить денег для боевых действий, где их взять, почему не дают обещанное и даже уже выделенное, сколько дополнительно поставить ракет и снарядов, какие цели стоит поражать, а какие пока нет.

На этом фоне трудно услышать голоса тех, кто требует остановки кровопролития.

Тем не менее за немедленное прекращение

огня между Россией и Украиной выступают Венгрия, Чехия, Словакия, Болгария, Сербия, а также так или иначе готовы этому содействовать Бразилия, Индия, Китай, Турция и ряд других стран. Кроме того, результаты последних социологических опросов как в России, так и в Украине показывают, что большее количество граждан выступают за прекращение военных действий, чем за их продолжение.

ЧТО ТАКОЕ СОГЛАШЕНИЕ О ПРЕКРАЩЕНИИ ОГНЯ?

Важно понимать, что соглашение о прекращении огня

- НЕ закрепляет принадлежность территорий;
- НЕ устанавливает межгосударственные границы или демаркационные линии;
- НЕ затрагивает вопросов вступления или невступления в НАТО;
- НЕ требует прекращения военного сотрудничества с третьими странами;
- НЕ закрепляет нейтралитет и никого не превращает в государство-сателлит;
- НЕ снимает ни с кого санкции;
- НЕ препятствует расследованию военных преступлений.

Главное, что содержит в себе соглашение о прекращении огня — это реальная остановка гибели и калечения людей, отказ сторон от использования смертоносного насилия, от продолжения военных действий.

Все остальные вопросы можно обсуждать и решать уже потом путем переговоров — через прямые контакты, через посредников. Переговорщики будут встречаться десятки раз, будут выдвигать требования, будут ставить условия, будут договариваться, договоренности будут срываться и нарушаться, потом будут заново обсуждать и пытаться договориться... Эта работа будет продолжаться месяцами, а возможно, и годами. Такие вопросы, как создание демилитаризованных зон, отвод войск, гарантии, мониторинг третьих сторон, — будут так или иначе составными элементами соглашения, но не предварительными условиями.

Но самое существенное в этой ситуации это то, что перестанут гибнуть люди. Поэтому со-

глашение о прекращении огня позволит сохранить многие тысячи, а возможно, и десятки тысяч человеческих жизней.

В мировой истории достаточно примеров. Соглашение о прекращении огня между Южной и Северной Кореей¹ обсуждалось на 159 встречах на протяжении двух лет. Это соглашение реально действует уже более 70 лет.

Все разговоры о том, что к началу переговоров о прекращении огня сторонам необходимо занять более выгодные территориальные позиции, в контексте данного конфликта и с учетом масштабов территорий противников, бессмысленны, а если говорить о продолжении массовой гибели людей, то такие разговоры вообще циничны и аморальны по своей сути.

Переговоры о долгосрочном мире, конечно, тоже когда-нибудь начнутся (если не дойдет до ядерного апокалипсиса). Однако чтобы в итоге получить работоспособные договоренности, переговоры должны вестись не просто между Москвой и Киевом, а с непременным участием США, ЕС и Великобритании, а возможно, и с привлечением Китая, причем на основе куда более существенных факторов, чем территориальные вопросы. Ситуация такова, что каждый месяц продолжения боевых действий ради безответственных фантазий и иллюзорных целей забирает новые человеческие жизни и уничтожает шансы на нормальное будущее. Именно поэтому нужно немедленное соглашение о прекращении огня. Ради жизней. Ради будущего.

К КОМУ ОБРАЩЕН ПРИЗЫВ О ПРЕКРАЩЕНИИ ОГНЯ?

Безусловно, призывать к прекращению огня нужно все вовлеченные в конфликт стороны. Это и Москва, и Киев, и Вашингтон, и Брюссель. Тыкать пальцем и кричать, что прекращать должен тот, кто первым начал, это либо инфантилизм, либо идиотизм. Прекращать огонь должны обе стороны одновременно и без каких-либо предварительных условий. Сейчас наивысшая справедливость заключается в том, чтобы перестать отнимать жизни у ни в чем не повинных людей. Все остальное — потом.

Безусловно, призывать к прекращению огня

нужно государственных лидеров, принимающих ключевые решения. И надо понимать, что персонализация ответственности за все происходящее важна, но с этим нужно будет разбираться потом. А сейчас, когда массово гибнут люди, куда важнее создавать общую атмосферу неприятия продолжения военных действий. Требовать прекращения огня должны сами граждане — через голосование за антивоенных кандидатов, через СМИ, через петиции, через лидеров общественного мнения, через соцопросы, свидетельствующие о настроениях в обществе. И даже разговоры на кухне — это тоже существенная капля в море. Это касается и России, и Украины, и США, и Европы.

Безусловно, российский политик в первую очередь должен обращаться к своим гражданам. Что и делает партия «Яблоко». С лета 2021 года мы ведем антивоенную кампанию — с момента публикации Путиным статьи «Об историческом единстве русских и украинцев», в которой было сформулировано четкое предупреждение о готовящейся войне. К сожалению, наши голоса не были услышаны. На выборах в Государственную думу осенью 2021 года нас перекричали, с одной стороны, государственные пропагандисты, а с другой — пропагандисты «умного голосования». В парламент прошли только сторонники войны, что было как раз и нужно Кремлю.

С 24 февраля 2022 года «Яблоко» ведет последовательную кампанию за прекращение огня в военных действиях между Россией и Украиной. Мы используем все доступные площадки и форматы для того, чтобы доносить до людей, почему это важно.

Очевидно, что в условиях тотальной государственной пропаганды, в атмосфере страха крайне сложно выступать с повесткой, противоречащей официальному курсу власти. А власть в Кремле пока не собирается складывать оружие, притом что маховик репрессий в отношении инакомыслящих продолжает раскручиваться.

Тем не менее многие люди в России видят и понимают, что происходит на самом деле, и в состоянии оценить угрозы, которые несет продолжение боевых действий для их будущего, для будущего их детей и внуков. И даже социологические опросы, проводимые в этой гнетущей атмосфере пропаганды и страха, свидетельствуют о том, что большинство граждан России не поддерживают продолжение военных действий.

Наш призыв к заключению немедленного соглашения о прекращении огня основан на профессиональных оценках и анализе экспертов в области военно-политических исследований из разных стран мира, а также на многолетнем опыте работы в политике, что позволяет лучше понимать суть и особенности происходящего, правильно оценивать перспективу. Более того, верность наших выводов и соответствующих предложений неоднократно уже подтверждалась реальными событиями — как на поле боя, так и в политических трендах. И сегодня для нас тоже все предельно ясно: ситуация складывается так, что продолжение военного противостояния приведет к уничтожению Украины. Что будет с Россией — это отдельный разговор. Прямо сейчас надо остановиться. Необходимо соглашение о прекращении огня.

Мы обращаемся к политикам — российским, украинским, европейским, американским — всем тем, кто способен принимать судьбоносные решения. Повторим, если соглашение о прекращении огня не будет заключено в самое ближайшее время, то могут произойти необратимые и, возможно, катастрофические события, которые перечеркнут будущее для миллионов. Именно так случилось чуть более 110 лет назад в преддверии Первой мировой войны.

Мы обращаемся к гражданам России: посмотрите вокруг — от вашего понимания происходящего зависит очень многое.

Николай Рыбаков

Российский политик, председатель партии «Яблоко», эколог, правозащитник

«ТЕ, КТО ВЫСТУПАЮТ ЗА ПРОДОЛЖЕНИЕ, — НЕСУТ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЖИЗНИ».

**«ЖИВОЙ ГВОЗДЬ»
20 АВГУСТА 2024**

В эфире «Живого гвоздя» 20 августа 2024 года, председатель партии «Яблоко» Николай Рыбаков поговорил с журналисткой Евгенией Родионовой о возможной блокировке Telegram, отправке срочников в Курскую область, репрессиях против «Голоса», политических заключенных и сентябрьских выборах и о том, какое должно быть будущее у страны.

Журналистка Евгения Родионова: Здравствуйте, друзья! 15:00 в Москве. Это канал «Живой Гвоздь», меня зовут Евгения Родионова. За режиссерским пультом сегодня Андрей Меликов и персонально ваш председатель партии «Яблоко» Николай Рыбаков.

Николай, здравствуйте!

Николай Рыбаков: Здравствуйте, Евгения!

Евгения Родионова: Вас приветствуют в чате активно наши зрители (и однопартийцы, полагаю).

Вот Константин Гришаев: «Добрый день, Николай Игоревич. Как дела у наших?» — задает вопрос такой. Да. Друзья, все правильно, пишите в чате, активнее задавайте свои вопросы и комментируйте темы, которые мы сегодня будем обсуждать. А некоторые вопросы я постараюсь Николаю обязательно задать в течение нашего эфира. Начать хотелось бы со сбоя в работе Telegram, который зафиксировали в России (по крайней мере, точно в Москве и Санкт-Петербурге). И мессенджер не работал без VPN. Как говорят пользовате-

ли, причиной могла быть пробная блокировка.

Вы выступали на канале НТВ, на федеральном канале, на тему цензуры, которую собрались (ну, не то чтобы собрались, по крайней мере есть обсуждение на эту тему), вводить в регионах, где введен режим КТО, в приграничных регионах: в Белгородской, Курской области. Как в целом в студии, какая была обстановка, какие аргументы приводили ваши оппоненты в защиту того, чтобы ввести там цензуру: отключить Telegram, отключить YouTube, отключить ряд мессенджеров?

Николай Рыбаков: Аргументы, как всегда, предельно простые — что нужно контролировать всю информацию, которая поступает, что должна поступать только проверенная, правильная информация. То есть предполагается, что та, которую будут выдавать военные чиновники, она изначально считается правильной, не подлежащей никакому сомнению. И что делать надо так. Время такое, не до слюней-соплей. Додуматься до того, что

в 2024 году невозможно ввести такого рода цензуру, они не могут понять, что очень сильный удар будет по свободе слова. Им это только нравится, оппонентам, безусловно. Но надо понимать, что это приведет — в случае попыток или таких даже действий, — это, конечно, приведет к большему хаосу, к большему распространению слухов. И надо сказать, что если вы посмотрите на различные последние события, то те источники, которые считаются проверенными, правильными, сами много раз сообщали недостоверную информацию, либо потом ее изменяя, либо как-то корректируя. И, конечно же, выход-то только один на самом деле. Выход заключается в том, чтобы прекратить убивать друг друга. И тогда не будет смысла в этих всех публикациях военных корреспондентов. Ну, пусть они будут, пусть они будут. Но тогда они не будут влиять на жизни людей. Потому что сейчас от той информации, которая поступает, просто зависят жизни людей: куда им бежать, скрываться. Может быть, просто надо сделать так, чтобы людям не надо было никуда бежать и скрываться. Вот уже с этим они спорить не могут, и отрицать это не могут. Но тем не менее считается, что цензура — это очень хорошо.

Евгения Родионова: Даже врио губернатора Курской области Алексей Смирнов, он же именно в Telegram пишет о том, что у нас, значит, ракетная опасность, о том, что сейчас будут сигналы тревоги. Это именно информация поступает, прежде всего, в Telegram. Там уже образовались чаты, где люди ищут своих родственников, срочников, которые оказались в плену. Ищут людей, которые вынуждены были покинуть свои дома. Все это происходит, в основном, в Telegram.

Николай Рыбаков: Власти как раз призывают не пользоваться никакими этими чатами. Но надо сказать, что нынешний мир так устроен, что сами те, кто участвует в этих всех мероприятиях, признают, что на тот же Telegram завязано так много действий, что невозможно его им закрыть. Мешать они, конечно, всем этим будут. Не только это связано с Telegram, но и YouTube. Никакие аргументы к тому, что «посмотрите, сколько просветительских, культурных, образовательных проектов завязаны и на тот же Telegram, и на YouTube», они не дей-

ствуют. Потому что это теперь не в приоритете сейчас у тех, кто принимает такие решения. Мягко говоря, к сожалению.

Евгения Родионова: Николай, вас вообще в целом было неожиданно увидеть на НТВ. Почему до сих пор они продолжают вас приглашать, несмотря на то, что вы транслируете такую яркую антивоенную позицию, позицию за мир?

Николай Рыбаков: Надо им задать вопрос, я не могу. Пока у меня и у нашей партии будет возможность транслировать нашу позицию о необходимости сбережения человеческих жизней, мы будем этим пользоваться. Когда у меня есть возможность делать это в эфире НТВ или (давно не было, но тем не менее уже это было после 24 февраля) на Первом канале, все равно мы это будем делать. Потому что людей, которые поддерживают нашу позицию, в стране десятки миллионов. И им важно понимать, что они находятся в своем городе, деревне, миллионнике-городе не одни. А что таких людей, думающих так же, как они, очень много. И для людей это чрезвычайно важно.

Да, я понимаю, что сейчас наше телевидение все заточено на противоположную позицию. Но, еще раз хочу сказать, что если есть возможность ради будущего сохранять этот голос даже в этих эфирах... Я просто знаю, что очень часто, приезжая в регионы, ко мне подходят люди (даже и в Москве) и говорят, что «спасибо за ту позицию, которую вы проводите, для нас это очень важно, чтобы сохранялась такая человечность».

Евгения Родионова: Хотелось бы обсудить тему срочников. После того, как ВСУ прорвали границу Курской области, стала поступать информация о том, что ряд срочников оказались в плену. Стала поступать информация от проекта «Идите лесом», важная история о том, что срочников принуждают подписывать контракт с Министерством обороны, чтобы отправить их воевать, соответственно, в Курскую область. И тех, кто там уже находился, тоже призывают подписывать контракт. Это иногда добровольно-принудительный носит характер. И даже, опять же, на федеральных каналах начали об этом говорить. И вчера, например, такое большое видео, объемное, базовое опу-

бликовал командир спецназа «Ахмат» Апти Алаудинов.

Он обратился к родителям срочников, я вот зачитаю его обращение: «В последнее время наблюдаю такую картину: всхлипы, всплески по поводу того, что срочники не должны воевать вообще, почему они находятся в Курской области? Друзья, а если ваши 18-летние дети не должны защищать Отечество, даже когда на него напал противник и когда он находится на нашей территории? У меня вообще встает к вам один вопрос: а зачем вы и ваши дети нужны этой стране? Не надо из 18-летних срочников-мужчин делать детей, которым мы должны дать соску и отправить спать. Это такой же защитник отечества, как и мы, его надо к этому готовить. Сегодня в нашей стране должны стоять одним строем все — от мала до велика», — сказал Апти Алаудинов.

И да, вот спасибо большое, Андрей показал его фотографию. Как, вы думаете, могут отреагировать матери срочников на такие сообщения? И в целом это идет такая организованная сейчас пропагандистская политика по нормализации отправки срочников на линию огня?

Николай Рыбаков: Вы знаете, Евгения, идет планомерная политика не только в отношении конкретного момента отправки срочников, а идет планомерная политика — я думаю, что мы за передачу еще к этому вернемся, к сожалению, не раз — к тому, что человеческая жизнь не имеет значения. И то выступление, которое вы зачитали, от Апти Алаудинова (не только командира, но и заместителя начальника Главного военно-политического управления Вооруженных сил Российской Федерации с апреля этого года), это знаковое выступление. Кроме того, он еще и ученый — кандидат наук — и темы его исследований и публикаций посвящены национальной идентичности политической, общенациональной политической идентичности.

И здесь стоит вопрос о том, в чем наша национальная идентичность. Либо в человекобережении, либо в человекоуничтожении. И сейчас делается выбор в пользу второго — в пользу того, что человеческая жизнь не важна. Для чего еще вы нужны, понимаете, да? Для чего вы нужны тогда стране? Не для создания луч-

ших школ, больниц, образования людей, создания бизнеса, развития человеческого, а для военных действий.

И, в общем-то, я хочу здесь привести пример, цитату совершенно не либерального политика Александра Лебеда, который в 1995 году в эфире (по-моему, это был канал «Россия», тогда он назывался РТР), в программе «Совершенно секретно» сказал по смыслу следующее. Что любую войну может остановить один полк. Но этот полк нужно сформировать из детей высших государственных чиновников, депутатов и тех, кто принимает решения о продолжении военных действий. И тогда война будет остановлена. А вот ведь все сейчас, кто выступает за продолжение конфликта — причем надо сказать, что неважно, они выступают за какую сторону, за какой результат, но выступают за продолжение этих действий, за то, чтобы не было соглашения о прекращении огня, будущих переговоров, — они несут ответственность за те человеческие жизни, которые уходят каждый день.

Вот персонально все, кто к этому призывает каждый день, отдаляют от нас мир, отдаляют нормальное наше добрососедское будущее с Украиной, со многими другими странами (но прежде всего, конечно, с учетом того, что происходит, с Украиной). Поэтому вот генерал Лебедь сказал рецепт. Воспользуются им или нет — не знаю. К сожалению, очень сомневаюсь. И вся это огромная человеческая трагедия — результат тех решений, которые принимают люди очень пожилые, а расплачиваться должны 18-19-летние.

Евгения Родионова: Да, и сами чиновники не торопятся отправлять своих детей на фронт, как известно, и телеведущие.

Николай Рыбаков: Да, или делают из этого какой-то просто очень неприличный... И вот, вы знаете, я могу сказать, что... у меня вот здесь стоят книги, если видят зрители...

Евгения Родионова: «ГУЛАГ», правильно?

Николай Рыбаков: А рядом с «ГУЛАГом» стоит, я просто покажу коротко.

Евгения Родионова: Да, там уже помельче.

Николай Рыбаков: Вот сначала две книги. Это «Воины, погибшие в Афганистане», в Афганскую войну. Это книга издана при участии

Григория Алексеевича Явлинского. И вот два тома, полностью которые содержат биографии всех людей, погибших в Афганистане за 10 лет. А рядом тома просто привезенные, и таких у меня очень много. В данном случае это Чувашская республика. Это уже «Жертвы Большого террора».

Это все книги о неважности человеческой жизни. Когда-то, безусловно, будет такая же книга по тем событиям, которые происходят сейчас. И вопрос заключается в том: может быть, уже пора остановить увеличение страниц в этой книге? Может быть, пора задуматься о том, что это все люди, это все будущее нашей страны. Которые сейчас, вместо того, чтобы рождались новые дети, строились новые предприятия, создавалась страна, будут просто строчками в этих книжках и очередными могилами на нашей земле.

Евгения Родионова: Да, даже по официальным данным уже жертв больше за эту специальную военную операцию, так называемую, чем за Афганскую войну. Да, и как Апти Алаудинов сказал, что «кому не суждено умереть, тут не умрет, но если умрешь, защищая Отечество, свою веру в Бога, то ты попадешь в рай». Это, мне кажется, такие нарративы и Дугин сегодня транслирует, Александр Гельевич, ну и другие придворные философы.

Николай Рыбаков: Да, только человек должен сам делать этот выбор, да, а не за него должны делать такой выбор. Те люди, которые привели страну к тому, что сейчас происходит.

Евгения Родионова: Зрители задают вопрос, участвует ли партия «Яблоко» в оказании гуманитарной помощи всем беженцам, которые вынуждены были покинуть свои дома в Курской области?

Николай Рыбаков: Да, у нас есть члены партии, которые собирают эту помощь. Есть такое в отделениях, отправляют туда, конечно же. Но это помощь конкретным людям. И наша партия оказывает ее людям давно, откуда бы они не были беженцами. Из какого бы города они не бежали в нашу страну для того чтобы найти просто безопасное укрытие. Мы не делаем это публично, мы это не рекламируем. Что можем, мы делаем. Но главная наша задача — это сделать так, чтобы этих беженцев не было,

а не помогать уже сбежавшим. И, конечно же, сейчас государство, которое ответственно за людей — уже десятки тысяч, публикуется, что стали вынужденными переселенцами и эвакуированными, — должно оказывать серьезную помощь тем, кто оказался фактически без ничего. И выделением десяти тысяч (насколько я знаю, такую президент Путин называл сумму), это просто невозможно. Вы понимаете, что можно купить, за какой срок у людей, которые оказались без ничего, будут потрачены эти десять тысяч.

Евгения Родионова: Еще и проблемы с получением этих десяти тысяч тоже возникают у людей — как писали «ЭХО / Новости», по крайней мере.

Николай Рыбаков: Об этом и говорится, что мы видим разные кадры, тоже распространяемые, в том числе, официальными источниками. Когда люди вернутся обратно, сколько средств нужно будет затратить на восстановление теперь тех мест, откуда они вынуждены были эвакуироваться. Есть же еще и проблемы, связанные с тем, что совершенно понятно — и в том числе об этом «Коммерсантъ» писал, — что далеко не все (это естественно) смогли эвакуироваться с территории. И это один из вопросов, который нужно обсуждать, потому что накапливается количество таких вопросов. Первый раз, когда мы говорили... и мы сразу же после начала всех событий заняли позицию о необходимости достижения соглашения о прекращении огня, о необходимости обмена пленными, ранеными, телами убитых, о необходимости расследования военных преступлений, которое невозможно, пока идет огонь. Никакого расследования не будет, пока идет огонь.

И о безопасности ядерных объектов. То есть, если мы говорили раньше только о Запорожской атомной станции, то теперь в зоне угрозы находится еще Курская атомная станция. И, конечно, теперь встал еще вопрос о тех людях, которые оказались уже по новым линиям соприкосновения, по новым линиям огня. Что с ними будет, какова их судьба? Как им эвакуироваться оттуда? Вот это все вопросы, которые, я думаю, что должны и могли быть поставлены на тех переговорах, которые по сообщениям

мировой прессы планировались, начинались. Вот-вот должны были начаться при посредничестве Катара. И Катар, конечно, сейчас стал такой площадкой переговорной в силу разных обстоятельств, связанных с этим государством. Ну вот так получилось. Таким сигналом, конечно, к возможности такого общения, был обмен пленными. И как только это произошло, произошла Курская область, которая отбросила эти переговоры, ну, если не навсегда, то на очень долгое время...

Я не знаю, сколько, но каждый день — это очень долго, потому что гибнут люди. На долгий промежуток времени эти переговоры отбросило, очевидно.

Делается все для того, чтобы никаких переговоров не состоялось, чтобы прекращение огня не состоялось. Ну, что мы можем сделать для того чтобы подтолкнуть к этим переговорам? Потому что когда в России у граждан будет позиция на то, что необходимо достижение мира, тогда к этому миру начнется дорога. Пока много людей будет думать о том, что все это неважно, меня это не касается, у меня жизнь не изменилась, власть будет вести себя так, как она себя ведет. Это, конечно, зависит не только от нашей страны.

Евгения Родионова: Но мнение граждан разве имеет какое-то значение у нас?

Николай Рыбаков: Имеет.

Евгения Родионова: Имеет?

Николай Рыбаков: Имеет, безусловно. Потому что когда большинство граждан этого захочет, мы все увидим, как обстановка будет меняться. Просто сейчас у очень большого количества людей, даже у тех, кто хочет... Извините, но хотеть надо активно. Хотя бы говорить об этом с близкими людьми. Атмосфера сейчас...

Евгения Родионова: Боятся, что доносы напишут. За это могут сегодня и арестовать, за дискредитацию. Ага.

Николай Рыбаков: Боятся, что за это напишут доносы. Время вообще такое, это время доносов возвращается. Конечно, атмосфера страха в стране есть. Конечно есть, безусловно. Но атмосфера, которая там, где стреляют и там, где люди гибнут, она намного для людей тяжелей. И ты должен для себя сделать свой выбор: либо ты делаешь то, что ты, как гражда-

нин, можешь сделать... Вот, я еще раз говорю, разговаривать с соседями, убеждать близких. Присоединяться к партии, которая выступает против происходящего. Ну, просто думать над этим. А не считать, что, вот еще раз говорю, что меня это вот сейчас не касается, вдруг на меня подружка Мария Ивановна напишет, соседка, на меня напишет донос. Но я не буду говорить, что такого не может быть, потому что я знаю, на скольких членов нашей партии поступили доносы, включая всю партию целиком. Конечно-конечно, это возможно, но страх этот надо преодолевать.

Евгения Родионова: Да, друзья, напишите, пожалуйста, в чате, что вы делаете для того чтобы как можно скорее закончилась так называемая специальная военная операция. Может быть, разговариваете с соседями, может быть, собираетесь вступить в партию «Яблоко» или какие-то другие антивоенные непарламентские организации, например. Вот интересно услышать ваше мнение. Вот депутат Нарочницкая, например, вчера (может быть, вы видели) тоже в эфире федерального канала, Первого канала, сказала, что, дескать, нужно там ковровые бомбардировки провести в этой части Курской области, которая занята ВСУ. И вы просто накануне сказали о тех людях, которые не могут отсюда уехать, не хотят — старики в основном, это пенсионеры, которые приросли просто к своему дому, не хотят его покидать. Вот такая тактика, которую предлагает депутат, женщина причем, да, насколько она вообще адекватна происходящему? Вы думаете, по этому пути пойдут власти?

Николай Рыбаков: Я не представляю, что должно происходить с человеком, чтобы он выступал с такими инициативами. Я, к сожалению, довольно часто на телевизионных программах вижу людей, которые призывают примерно к этому. И, вы знаете, Жень, проблема, собственно говоря, в том, что таких людей много среди тех, кто за власть, за Путина. И среди тех, кто против Путина, против власти. И вот эти две группы людей, они как смотрятся в зеркало и повторяют одно и то же, ну, по смыслу действия — уничтожение людей — только в разную сторону открывать этот огонь. Это ужасно. Я не представляю, как будто просто люди вы-

росли на другой планете, в другой атмосфере, как будто мы не переживали всего, что произошло с нашей страной за многие годы.

Я не знаю, я надеюсь, что такого не произойдет, такого не будет. Потому что все вот эти призывы ведут к эскалации конфликта, они... вот просто вот этот депутат... я, к сожалению, такую не знаю, но предполагаю, что есть, раз вы говорите.

Евгения Родионова: Да, Нарочницкая.

Николай Рыбаков: Верю, верю, что есть такая. Просто я хочу сказать, что если два умножить на два, то будет четыре. Вот все, все призывы к тому, чтобы вести большую эскалацию, они ведут к разрастанию военных действий, они в итоге могут привести к конфликту России и НАТО, про который все говорят, что все этого не хотят, но вот такие призывы, они ведут туда и приведут к большой войне. Большая война приведет к атомной войне. Последствия — что вместо депутата Нарочницкой будут в эфире выступать тараканы, которые останутся на планете. Больше никого не будет через какое-то время.

Евгения Родионова: Да, подробнее: Наталия Алексеевна Нарочницкая, политик, общественный деятель, ученый-историк, политолог, публицист. Православный идеолог, вот что интересно, доктор исторических наук. Вот казалось бы. Да, есть.

Николай Рыбаков: Да, но она, насколько я помню, не депутат Государственной Думы. Но деятель, общественный деятель. Я не представляю, для чего... Либо действительно люди не могут спланировать и понять. Много раз причем уже не понимали, к чему ведут эти действия. Вы знаете, вот у меня однажды (я не буду называть имя, потому что это был частный разговор)...

Евгения Родионова: Так.

Николай Рыбаков: Один из депутатов Государственной Думы, после вот одной из дискуссий (это был 2022 год), сказал: «Вы знаете, мы когда голосовали за признание независимости республик (ДНР и ЛНР), мы не представляли, что это к этому приведет». Причем это очень опытные люди. Даже не те, кто там... какой-нибудь спортсмен пришел в Думу. Нет, это люди очень опытные. И политика дошла

до того... вот когда парламент уже давно стал парламентом, который не принимает никаких решений, а просто штампует спущенные документы, оно приводит к тому, что просто они потеряли профессиональную квалификацию и не понимают, к чему приводят их действия. А иногда происходит так, что они принимают такие решения, которые имеют вот такие последствия. Но они этих последствий предсказать не могут! У нас все решения, конечно, принимает в итоге один человек. И никаких инструментов, которые бы человека этого сдерживали, нет. И вот результат. Поэтому сейчас очень много людей, которые, безусловно, как и Наталия Нарочницкая, стремятся к этому продолжению. Понимаете, почему? Потому что вот очень большое количество общественных, скажем так, деятелей нашли себя в это время.

Евгения Родионова: Ага.

Николай Рыбаков: Они не видят себя в мирной жизни. Ну, такое возможно, есть такие. Я даже видел...

Евгения Родионова: Сейчас карьерный рост у них идет.

Николай Рыбаков: Я смотрю даже иногда по биографиям этих людей — некоторые из них перемещались прямо по миру между точками конфликта, — потому что они этим живут. Они не могут жить в другой обстановке. И сейчас вот эти люди хотят нас втянуть уже в то состояние, которое будет невозможно остановить. К такому состоянию можно прийти. Они просто не соображают, что они потом не выживут. Они считают, что вот вам сказали, куда пойдут. И вместе с ними все остальные.

Евгения Родионова: Ну да, да. И Владимир Путин об этом тоже говорил.

Николай Рыбаков: Да, причем... Вы знаете, что я хочу сказать? Что, к сожалению, очень часто в мире воспринимают вот эти слова как такую браваду, как что-то нереальное, несерьезное, неправдивое. И я всегда в диалогах, на встречах, в интервью мировым СМИ объясняю, что это буквально надо воспринимать президента Путина. Да в любом отношении, а уж в этом — точно. Надо воспринимать буквально. Вы десятилетиями считали, что он говорит фигурально. Но вы посмотрите, что он говорит и что он потом делает. Ну, сделайте

какие-то тогда в итоге выводы. Нет, к сожалению, таких выводов не делается.

Евгения Родионова: Почитаю, что нам зрители пишут, как они пытаются приблизить завершение войны. Ира пишет, Быкова: «Я ничего не делаю, простите». Значит, Константин: «Я собираюсь вступить в партию «Яблоко». Николай, я с вами». Значит, дальше вот зритель наш пишет: «Говорю с родными, поддерживаю «Яблоко», поддерживаю курян. Говорю с оппозицией за границей. Екатерина считает, что говорить с соседями опасно, вдруг донос напишут, опять же. И вот Михаил: «Подскажите, зачем вступать в партию «Яблоко»? Сколько на это понадобится времени после заполнения анкеты?»

Николай Рыбаков: После заполнения? Технический вопрос. Вы на сайте заполняете анкету, с вами связываются из того города, где вы живете. Вас приглашают, вы знакомитесь. И дальше у нас есть в партии двухлетний кандидатский стаж.

Евгения Родионова: Ага.

Николай Рыбаков: Когда вы принимаете участие во всех действиях, которые есть в партии: во встречах, в вечерах писем политических заключенных, в дискуссиях, в лекциях. Единственное, вы не можете избираться эти два года в руководящие органы. Но я абсолютно уверен, что те люди, которые сейчас приходят в партию «Яблоко», они заинтересованы в работе, а не в том, чтобы быть избранными в руководство местной партийной ячейки. Но через два года можно будет и это, совершенно... Пожалуйста, мы вас ждем!

Евгения Родионова: Да, Ольга, 39 лет, Вологда: «Пишу активно в соцсетях, разговариваю со знакомыми. Не молчу уже третий год. Было много угроз, в том числе расправы от троллей в интернете, особенно их много во ВКонтакте. Но пока без штрафов». Вот Ольга тоже, значит, и делает.

Николай Рыбаков: Да, вы знаете, я хочу тогда сказать вещь одну. Обычно я это в каком-то закрытом коллективе говорю, в том числе, когда мы пишем письма политическим заключенным. Но раз Ольга вот написала такое... Друзья, одна из задач сейчас в работе... вот слоган нашей партии «За мир и свободу!». Потому

что важны обе вещи. За мир, свободу, соглашение о прекращении огня. Потому что если будет мир, но не будет свободы, то очень скоро мы можем снова вернуться к той же ситуации. И в этом отношении я Ольге и всем остальным хочу сказать, что, друзья, помогая политическим заключенным, помогая тем, кто в том числе осужден по статьям, связанным с критикой действий власти, связанных с СВО, не нужно создавать новые списки политических заключенных.

Евгения Родионова: Ага.

Николай Рыбаков: А находясь на свободе, вы можете этим людям помогать, кто уже там оказался. Эта машина репрессий работает в значительной степени выборочно. Но самому входить в эту машину не нужно, пожалуйста, потому что вы нужны на свободе для того чтобы помогать, к сожалению, тем, кто там уже оказался. Одно из действий, которые я могу предложить делать, это присоединяться к тем дням, вечерам писем политическим заключенным, которые проходят в «Яблоке» по всей стране.

Мне вот прямо перед эфиром принесли за один день пришедшие письма нам в ответ в «Яблоко». И было очень интересно, потому что я получил...самыми первыми увидел письма, которые пришли из-за цензуры. На них вот сзади стоят на многих штампы... где тут заметно так чтобы было крупно прямо... «цензура». Потому что они тоже проходят... вот могу показать слово «цензура». И, соответственно, довольно долго идут письма. И первыми мы получили от тех, кто (от Андрея Пивоварова, от Саши Скочиленько), тех, кто был в списках обмена. Но еще часть писем — это от тех людей, кто продолжает находиться, отбывать наказание или ждать решения суда. Здесь письмо от Юрия Алексеевича Дмитриева, Ивана Сафронова, Григория Мельконьянца. Когда был у него на суде на прошлой неделе, вот этот...

Евгения Родионова: Ага, ему продлили арест — мы напомним зрителям — до 17 октября.

Николай Рыбаков: Да, на два месяца продлили арест, притом, что никаких оснований продлевать не было.

Евгения Родионова: Не успели расследовать, как они сказали. Да, вот Григорий Мельконьянц, он сидит с Эллой Панфиловой — обратите внимание, друзья — сейчас он в СИЗО находится уже больше года.

Николай Рыбаков: Да, уже больше года Григорий, и за все это время ему один... извините, два раза (просто это проходило через день) разрешили через стекло, через телефон встретиться с мамой. Все — он абсолютно отрезан от общения с людьми. Вот я даже коротко здесь успел открыть письмо Ивана Сафронова, чтобы действительно понимали. Потому что люди, когда находятся на свободе, они часто не понимают цены этого. И вот Иван пишет, что пришло от вас письмо, и что, прежде всего, спасибо за добрые слова и пожелания, за вашу поддержку. Это было и остается для меня самым важным стимулом для борьбы. Я знаю, что рано или поздно все наладится, и будем вместе в это верить. Мы сейчас будем еще продолжать и письма писать, и книги собирать для этих людей, чтобы им передать. Поэтому вот, пожалуйста, принимайте в этом участие.

Евгения Родионова: Да, Николай спрашивает, когда ближайшая дата вечера писем политзаключенных, если можете так сказать.

Николай Рыбаков: Надо заходить на наш сайт, у нас там точно последняя неделя месяца — в разных городах в разные даты. Допустим, в Москве это обычно последний четверг августа. Соответственно, на следующей неделе в четверг. И на нашем сайте список мест, где это проходит, и даты. Если вдруг в вашем городе нет места, где проводится — такое может оказаться — пожалуйста, напишите нам на нашу почту и мы постараемся вам помочь организовать это в том городе, где выживете.

Евгения Родионова: Да. Ольге, наверное, хочется небольшой комментарий сказать по поводу ВКонтакте. Бывает небезопасно писать посты ВКонтакте, особенно антивоенного толка. Вот как раз за такие посты могут вполне себе арестовать даже. И за дискредитацию армии, и за что угодно. Ну, оштрафовать как минимум, но и арестовать в том числе. Поэтому тоже нужно быть аккуратным, и тут непонятно, где грань, честно говоря. Здесь вас...

Николай Рыбаков: Нет больше никакой грани, потому что когда можно за белый лист оштрафовать, это... Ну, так как я много хожу на суды, и не только в Москве, но и в других регионах. Был на суде у Михаила Афанасьева в Абакане (покассе нашего коллеги-яблочника), в Якутии. И я вижу аргументы, которые излагают адвокаты-защитники, которые излагают те, кого обвиняют, и вижу, насколько бледно, нелепо, пусто выглядят аргументы прокуратуры. Ну, совершенно понятно, что не нужны больше... Все, надо понять, что мы находимся в такой ситуации, когда эти все законы больше не действуют. Только с репрессивной точки зрения.

Евгения Родионова: Оксана задает вам вопрос: «Яблоко» будет выдвигать требование к Путину о прекращении войны?

Николай Рыбаков: Мы же делаем это с самого начала, с 24 февраля 2024 года. Только важно, чтобы это выдвигали и вы. Не только мы, но и все граждане чтобы это делали. И мы говорим, каким образом это достичь. Прежде всего нужно перестать убивать друг друга, достичь соглашения о прекращении огня. После этого, да, будут переговоры. Они могут быть очень долгими. Они могут быть как в Корее, где проходило 500 или даже больше стадий переговоров — пожалуйста. Только люди друг друга убивать не будут и гибнуть не будут. Вот этого нужно, прежде всего, достичь.

Евгения Родионова: Николай, есть разные мнения по поводу того, вот это наступление в Курской области, оно ускоряет или отодвигает переговоры. Некоторые эксперты считают, что, наоборот, теперь Украины появилась более сильная переговорная позиция и, возможно, это случится скорее.

Николай Рыбаков: Да, я знаю про такой аргумент, но мы видим, что... Я не склонен не доверять той информации, которая была про потенциальные переговоры в Дохе, которые не состоялись. И иметь как бы... Неизвестно, кстати, какой ценой: мы не знаем ту цену, которую сейчас платит за эту неизвестную позицию Украина и сколько гибнет россиян сейчас. Но иметь сильную позицию на тех переговорах, которых нет, это, конечно, круто.

Евгения Родионова: Да. Заговорили кратко о Григории Мельконьянце. И вот вы в телеграм-канале написали, что партия «Яблоко» потребовала прекращения репрессий в отношении политиков и граждан, борющихся за честные выборы в России. В связи с тем, что суд Санкт-Петербурга оштрафовал зампреда партии «Яблоко», депутата Заксобрания Петербурга Бориса Вишневецкого, который часто тоже приходит в эфир «Живого Гвоздя». Зрители его тоже очень любят смотреть, задавать ему вопросы. За что оштрафовали? За интервью ютуб-каналу движения «Голос». Якобы что он участвовал в деятельности нежелательной организации. То есть это так интерпретировали. По аналогичным статьям преследуют и других ваших сторонников, партийцев. И что в связи с этим вообще делать? Вот, допустим, есть дело Григория и больше года прошло. Сейчас у нас скоро выборы. И Григорий как раз тот человек, и его организации, которые занимались наблюдением на выборах, они получали хвалебные отзывы от ЦИК, от Эллы Памфиловой в том числе. Что изменилось? И вот от Эллы Памфиловой мы же не слышали ни одного заявления, например, в поддержку Григория. Или хотя бы, может быть, сомнения в том, что это дело какое-то несправедливое и так далее.

Николай Рыбаков: Я считаю, что Элла Александровна должна высказать свою позицию, потому что, собственно говоря, Григорию же инкриминируется как действие — это участие в мероприятиях Центральной избирательной комиссии. Но это же система, это не одно дело, которое находится в отрыве от всех остальных дел. Система в смысле, что... система бессистемности, если так можно сказать. Вот идет выборочное выгаскивание людей. Мы видим вот уже Михаила Афанасьева, про которого я говорил, Василия Неустроева из Петербурга, нашего члена партии, Ивана Сафронова. Тех, кто уже отбывает наказание — Игоря Барышникова, Алексея Горинова, Юрия Дмитриева. Да, у них у всех... понятно, в чем к ним претензии от власти. Это понятно. Это люди, которые яркие, которые высказывали противоположную точку зрения, которые неприятны, поэтому их надо любым способом уничтожать.

Но можно вспомнить и Павла Кушнера из Биробиджана. Это совершенно трагическая исто-

рия. И мы очень хотим организовать вечер его памяти в Москве, не только как музыканту замечательному, как просветителю культурному, но и как человеку — извините, это наша общая ответственность, — про которого никто не знал (ну, в масштабах всей страны), что он находится в следственном изоляторе. Которому, насколько мне известно, много писем не писали (я не знаю, писал ли кто-то).

Евгения Родионова: И правозащитники не знали, как мы понимаем.

Николай Рыбаков: Вот. Представляете, сколько таких людей? Это при том, что это человек, который ведет передачи на радио, выступает на телевидении, в городе известен, музыкант филармонии биробиджанской. Он пропадает и никто ничего не делает в тех масштабах, как я считаю, нужно было бы сопротивляться. А представляете, сколько людей, которые находятся сейчас под преследованием, про которых еще не знают. Поэтому репрессии как таковые должны быть отменены. Должны быть отменены статьи, по которым сейчас штрафуют и сажают людей, должно быть отменено полностью законодательство. Оно абсолютно репрессивное.

Мы эту позицию занимали в 2012 году, когда люди, которые теперь выступают против него, некогда еще и голосовали за это все законодательство.

Теперь они штрафуются по этому законодательству (бывшие депутаты Думы) об иностранных агентах и о нежелательных организациях. Потому что это законодательство используется выборочно и используется исключительно в репрессивных целях. Ну, надо сказать, что в России много довольно таких законов, которые предстоит просто отменять, как таковые. Даже не переписывать, а отменять, как таковые. В том числе, например, закон... Извините, я перейду, просто это еще одна очень большая тема, это «Закон подлецов» — закон Димы Яковлева.

Евгения Родионова: Димы Яковлева, да.

Николай Рыбаков: Он находится в том списке законов, которые должны быть просто отменены после того, как изменится ситуация в стране. Потому что вот власть вообще должна наконец-то когда-то понять: она совершает какие-то действия — результат ровно противоположный. Совершаются действия по разви-

тию, продвижению, по насаждению вот неких традиционных ценностей — результат ровно противоположный. Вот я могу сказать данные института НИИ труда Всероссийского. В стране матерей-одиночек 4 миллиона 850 тысяч человек. В неполных семьях воспитывается 38,5% детей — с 2000 года рост почти в два раза. С 2002 года. Тогда было 21%. И сейчас детей-сирот 385 тысяч. И результаты тех событий, которые происходят сейчас, они, видимо, будут вести к тому, что, к сожалению, такие... Ну, это факт, это невозможно отрицать — что и неполных семей будет становиться больше, и детей-сирот будет становиться больше. Ну, этого мы хотим для страны?

Евгения Родионова: И разводов, да, у нас больше, чем браков, но это уже известный факт.

Николай Рыбаков: Значит, дальше потом... Вот просто в чем еще есть огромная проблема нашей страны? В том, что над страной за 100 с небольшим лет ставится гигантский такой социальный эксперимент. Давайте просто посчитаем, что произошло со страной чуть больше, чем за 100 лет: Первая мировая война, революция (октябрьский переворот), после этого Гражданская война, потом коллективизация, голод, Большой террор, Вторая мировая война (Великая Отечественная), межнациональные конфликты начала 1990-х годов, до этого еще Афганистан, потом Чечня, теперь Украина. Вот нет ни одной такой страны, с которой бы за такой промежуток произошло такое количество событий, унесших столько человеческих жизней. И все эти события по какому критерию я отбирал? Когда они уносили человеческие жизни и обесценивали жизнь человека. Понятно, что и человеческое достоинство, и надежды убивались, но и сама человеческая жизнь. И когда были сделаны, обсуждены реально, честно в стране итоги какого-то из этих событий? Нет, этого не происходит.

Евгения Родионова: Ну, в 1990-е разве не происходило осуждения, не знаю, условно, репрессий сталинских. Все же это было, и, по-моему, это обсуждалось гораздо активней. И все вот эти события, которые вы перечислили, они были совершены разными людьми. То есть, как бы это в одну линейку странно ставить.

Николай Рыбаков: Очень короткий... Это

одна из очень серьезных ошибок, потому что очень короткий промежуток времени — даже, скорее, конец 1980-х. Ну, может быть, самое начало 1990-х — это разговоры о Большом терроре. Но масштабы обезчеловечивания за это время были таковыми, что этого абсолютно недостаточно. Мы бы не пришли тогда сейчас к ситуации, когда нам рассказывают о великих стройках ГУЛАГа, как они важны были для советской экономики и для построения советского государства. А мы ведь к этому сейчас фактически пришли. И решили тогда, что это уже все дело прошлого, это уже все неважно, забыли. Все забыли — вернулись туда к действию. У нас не было даже осуждения действий Сталина. Ведь это сделала... на XX съезде это сделала партия внутри себя, не государство это сделало.

Евгения Родионова: Хрущев, конечно.

Николай Рыбаков: Но это было внутри одной политической партии. Эта партия осудила своего предыдущего руководителя, а не страна. И все это предстоит, предстоит еще нам только делать.

Евгения Родионова: Хотелось бы нынешнюю власть пообсуждать. Честно говоря, мне кажется, что все-таки, Сталина и Ленина осуждали в 1990-е. Опять же, в период перестройки все это начиналось, в 1990-е продолжилось, и очень активно и широко. И были свободные СМИ, которые об этом говорили. А вот сейчас как будто бы у нас другая проблема — Путин и это государство.

Николай Рыбаков: Так в том-то и дело, что это забыли. А Путин и это государство объявили даже — не то что они вот являются, — они даже объявили, что мы наследники тех самых... И хорошего, и плохого — вот всего мы наследники. Оценок мы давать не будем, а действовать мы будем такими же методами, когда «лес рубят — щепки летят».

Евгения Родионова: Это да.

Николай Рыбаков: И возвращаясь к тому, что говорил политолог военный, «бабы новых нарожают». Ну вот, вот эта идеология: «бабы новых нарожают». Да, вы знаете, эта фраза имеет этот же смысл, различные выражения есть и во французском, и в итальянском языке. Но представить себе, что выходит сейчас такой политик, который говорит такое про своих гражд-

дан в этой стране, я не могу. Да, конечно, еще не дошли до того, чтобы политики транслировали это на другие страны. Думали бы о том, что и в других странах нельзя, чтобы делалась концепция «бабы новых нарожают».

К сожалению, то, что происходит сейчас в Украине, для очень многих — это какие-то события в компьютерной игре, на которую мы наблюдаем через средства массовой информации. И это много, много есть таких кровавых конфликтов, на которые мировое сообщество смотрело так вот издали. Ну вот недавно было 30 лет геноцида в Руанде. Сколько людей погибло, как на это все смотрели — 1994 год. И вот это где-то там происходит.

Евгения Родионова: Ну, понятно.

Николай Рыбаков: А в итоге это может привести напрямую к тому, что все будем все иметь эти последствия.

Евгения Родионова: Да. Друзья, напомню, что у нас в гостях Николай Рыбаков, председатель партии «Яблоко». Задавайте свои вопросы, скоро мы перейдем к обсуждению выборов. У нас не так много времени осталось, но тем не менее мне важно вам напомнить про то, что вы можете зайти на сайт shop.diletant.media и приобрести книгу Никиты Петрова, которая там представлена, о первом председателе КГБ Иване Серове. Вот как раз мы говорили о советской истории, в том числе с Николаем. Это не просто биография, это опыт исследования его жизни и деятельности на строго документальной основе. Книга выстраивается как на мемуарах самого Серова и его сослуживцев, так на многочисленных, ранее неизвестных материалах, включая архивы бывшего КГБ.

Если вы хотите понять больше про эту структуру, про формирование вообще этой структуры (что это такое было, кто был первым председателем КГБ) и, может быть, сравнить с нынешними временами — как эта структура трансформировалась в течение времени, — то обязательно приобретайте книгу «Иван Серов — председатель КГБ». Таким образом вы сможете поддержать канал «Живой Гвоздь». Для нас это очень важно, поскольку сегодня невозможно получить монетизацию, и рекламу отменили из-за иноагентства.

Так, и мы все-таки перейдем к теме выборов,

поскольку в чате очень много было вопросов про выборы. И вот, кстати, Григорий Мелькошнянц, он спустя год своего нахождения в СИЗО написал открытое письмо, поблагодарил, естественно, всех за поддержку. И вот что пишет Григорий: «Пока сижу в СИЗО, участвовал уже в нескольких выборах и наблюдал, как происходят в тюрьме информационные и агитационные кампании, как организуют голосования. По привычке подготовил рекомендации по улучшению процесса. Но кому они сегодня могут быть нужны? Но это позволит оставаться самим собой. Впрочем, они еще пригодятся». Вот. То есть Григорий не унывает и даже, находясь в тюрьме, продолжает наблюдать за выборами, пытаться их как-то улучшить даже в системе ФСИН. А мы пока находимся, к счастью, — я надеюсь, что никто из наших зрителей не попадет в застенки, и из наших экспертов — находимся здесь. Скоро у нас выборы — осенью этого года. Партия «Яблоко» выдвигалась в 19 регионах, насколько я помню.

По итогу, что мы знаем: в Москве ни один из 24 кандидатов не был зарегистрирован в Мосгордуму. Питерские избиркомы не стали регистрировать на мунвыборы кандидатов от «Яблока» — 83 человека не стали регистрировать. Ни одного кандидата не зарегистрировали от «Яблока» на выборах в губернаторы, которые тоже будут проходить осенью. Павел Харитоненко в Иркутскую гордуму тоже не прошел (он выдвигался тоже от «Яблока»). И вот в связи с такими результатами, где вы еще планируете участвовать, есть ли шанс хоть в каком-то регионе пройти сегодня антивоенному кандидату? Когда мы видим очевидную такую зачистку всех кандидатов, выступающих за мир открыто, как это делают кандидаты от партии «Яблоко».

Николай Рыбаков: Да, у нас, действительно...когда мы начинали кампанию, было более трех сотен кандидатов в 17 регионах.

Евгения Родионова: А, в 17? Прошу прощения.

Николай Рыбаков: Ну да-да. Сейчас у нас 73 кандидата в итоге зарегистрировано в 9 субъектах федерации. Среди них Москва. Мы продолжаем избирательную кампанию в Москве, потому что объявлены досрочные выборы Со-

вета депутатов района Куркино. И там зарегистрировано 6 наших кандидатов. Они прошли этап сбора подписей и зарегистрированы, начинают активную избирательную кампанию. Также наши кандидаты зарегистрированы в Красноярском крае, Ленинградской, Московской, Мурманской, Новгородской, Псковской, Ростовской и Рязанских областях. В том числе мы участвуем в дополнительных выборах депутата Государственной Думы по Ростовской области. В одном из округов, в 152-м, в Ростовской области. Да, даже в этих условиях, как показывают избирательные кампании прошлых лет, есть шанс на то, что кто-то из наших представителей будет избран. Но я хочу сказать: главное во всей этой кампании, что все наши кандидаты третий год идут под слоганом «За мир и свободу!», за соглашение о прекращении огня. И учитывая, какие сейчас происходят выборы — вот это голосование в течение трех дней, в Москве электронное голосование практически полностью будет, без бумажных бюллетеней.

Евгения Родионова: Я уже заказала бумажный бюллетень. Можно заказать на «Госуслугах».

Николай Рыбаков: Вот да, кто будет делать это, это важно. Фактическое введение — мы с этим давно сталкиваемся — цензуры. Когда вы не можете билборды закупить, потому что все занято (ну, мы же знаем, что не все занято). И так далее. Это много-много всего. Я уже не говорю про общую обстановку, действительно, страха в стране.

И вот смысл того, что сначала сотни, теперь десятки людей участвуют в избирательной кампании, смысл этого — продвижение темы мира, продвижение свободы и соглашения прекращения огня и работа на будущее с тем, чтобы будущее нашей страны было связано с тем, что власть будет формироваться на выборах, на нормальных, честных выборах, к которым наша партия будет готова. В том числе и организационно, и кадрово.

Потому что сказать, что «все, мы сейчас не участвуем в этом нигде и никогда», потом будет сложно вернуться в это, когда действительно наступит возможность участия в реальных выборах. Поэтому я благодарен тем, кто участву-

ет в качестве волонтеров в этих избирательных кампаниях, жертвует нашим кандидатам (можно зайти на сайт, увидеть то, как пожертвовать), во всем этом участвует. Я очень благодарен этим людям, это серьезный, мужественный шаг. Потому что все эти люди понимают, с учетом того, что все мы с вами говорили, выпускать — вот я просто возьму одну из листовок сразу же здесь — кандидатом идти вот с этим же на выборы, причем по всей стране, не только в Москве — это очень серьезный шаг.

Евгения Родионова: Да, Николай, хотелось бы...

Николай Рыбаков: Если вы москвич и готовы помочь нам в компании в Куркино, где команда молодых очень ребят идет, присоединяйтесь, мы будем очень вам благодарны!

Евгения Родионова: А в Куркино это тоже Мосгордума, то есть выборы? Нет?

Николай Рыбаков: Нет, это районные.

Евгения Родионова: Да, все, да. По поводу Мосгордумы здесь Александр Кынев — возможно, вы видели — написал большой критический пост по поводу компании в целом «Яблока» в Московском регионе. Он написал, что результат этой компании — уже полное уничтожение как значимой политической силы в городе партии «Яблоко». «Ни один кандидат не прошел, но, — пишет Александр, — этот результат является абсолютно рукотворным и заданным самоубийственной политикой руководства партии, а точнее одного человека, который по-прежнему ее де-факто контролирует». И вот он пишет, что «вместо того, чтобы зарегистрировать несколько кандидатов, которые имели бы все шансы пройти, распределить между ними бюджет, чтобы они все-таки набрали эти подписи, выдвинули 24 кандидата, в итоге никто не мог пройти». «И, — как он пишет, что, значит, — и вручили еще всем кандидатам антивоенный листок. А это сегодня означает де-факто команду «фас» для властных структур. Никакому прекращению войны, изменению общественных настроений эта агитация помочь не может. А теперь больше ничего нет: очередная порция заметных фигур партии вместо работы в публичном поле готовится уехать из страны. Нам будут рассказывать о моральном выборе, как обменяли фракцию на

ником не замеченную листовку во имя личного тщеславия и бзиков одного человека». Вот так считает...

Николай Рыбаков: Если никто не заметил, то что же про нее писать такой большой пост? Вы понимаете, наше название — «Яблоко». «Яблоко» — это честно. Если мы считаем, что нет ничего важнее сохранения человеческих жизней, мы будем говорить об этом с людьми. Потому что мы понимаем, что для будущего страны ничего важнее нет.

Евгения Родионова: То есть, Николай, можно, извините, я хочу только уточнить, то есть это принципиальный момент. Я так понимаю, что Александр считает, что могла партия «Яблоко», например, как-то более умеренно что ли провести кампанию, убрать вот эти определенные лозунги, но при этом остаться в Мосгордуме и иметь возможность помогать людям на местах? Вот как сегодня, например, в Мосгордуме есть фракция партии «Яблоко».

Николай Рыбаков: Ну так много партий, которые хотят выбрать для себя такую жизнь. Мы же не партия «Одуванчик». Вот партия «Одуванчик» — пожалуйста, пусть она... Но это же просто неприлично! Бесконечно рекламировать одну из думских партий «Одуванчик» и говорить, что вот «Яблоко»-то, смотрите, какую занимает...

Евгения Родионова: «Новые люди», что ж уж...

Николай Рыбаков: Вообще я благодарен автору за этот пост. Потому что, да, мы такая партия, которая будет выступать за то и говорить людям то, что считает нужным. Притворяться мы не будем. Это многим не нравится, я знаю. Но надо прекратить... Вы знаете, одна из очень важных вещей и для власти, и для оппозиции — это перестать врать. Врать людям. Потому что мы сталкиваемся с этим в своей ежедневной работе. И с тем, что про нас врет власть, и про нас врут те, кто как бы против этой власти.

В данном случае я, конечно, имею в виду все не пост, про который вы сказали, а интервью Дудя, когда он рассказывал Илье Яшину просто абсолютную ложь про Григория Явлинского. Ни извинений, ни признания, что «я был неправ» — ничего нет. Но мы к этому

привыкли. Люди такие. Да, а при этом мы будем работать и продолжать занимать ту позицию, которую мы занимаем.

Я не хочу сказать, что время рассудит, потому что не время рассудит — люди рассудят. Но думать, что «Яблоко» будет каким-то другим ради того чтобы... Слушайте, этих других вон полная Дума и все законодательные собрания всех регионов (ну, за исключением Вишневецкого, Шишлова, Гайдука, Слабуновой, которые нас представляют в региональных парламентах, ну, и других наших представителей в региональных парламентах). А дальше — пожалуйста. Слушайте, и вообще есть выбор сейчас в стране. Да, вот он такой, какой есть сейчас. Либо за Путина, либо за «Яблоко». Если вы за Путина, у вас вон целое меню. Я только не понимаю... Тогда уж, на мой взгляд, надо голосовать за «Единую Россию». Потому что это хоть какая-то логика есть. Вы поддерживаете Путина — вы выбираете «Единую Россию». А зачем поддерживать там какую-то красную или голубую, или желтую версию Путина, я вообще не понимаю.

Евгения Родионова: Но вы не бойтесь, что партию «Яблоко» зачистят вообще из всех региональных парламентов, из Государственной Думы, и у нее не останется вообще никакого влияния в принципе? То, что у вас много требований, которые вы выдвигаете.

Николай Рыбаков: Сейчас не в этом зависит влияние партии. Влияние партии сейчас зависит от того, сколько людей в стране будет поддерживать ту же позицию, которую поддерживает наша партия. Сейчас это — я уверен абсолютно в этом — это десятки миллионов человек, которые считают также, как считаем мы. Наступит время честных, нормальных, справедливых выборов — это будет видно в результатах бюллетеней. Сейчас это будет видно в том, что думают, о чем говорят люди, насколько они поддерживают ту позицию, которую занимаем мы. Но думать, что мы будем под кого-то приспосабливаться — нет, этого не будет!

Евгения Родионова: Спасибо огромное!

Николай Рыбаков: Вам спасибо!

Алексей Арбатов

Российский ученый и политик, руководитель Центра международной безопасности Института мировой экономики и международных отношений Российской академии наук, доктор исторических наук, академик Российской академии наук, член Федерального политического комитета партии «Яблоко»

О ПОСЛЕДСТВИЯХ ЭСКАЛАЦИИ КОНФЛИКТА ВОКРУГ УКРАИНЫ. ЯДЕРНАЯ ДОКТРИНА ИГРАЕТ НА Понижение порога.

«НЕЗАВИСИМАЯ ГАЗЕТА»

15 СЕНТЯБРЯ 2024

В сфере глобальной безопасности сегодня наблюдается нагнетание напряженности. Если в начале специальной военной операции в Украине тема ядерного оружия была фоном, то в последнее время сигналы России и Запада стали все более ориентированы на возможность его применения. О том, насколько далеко может зайти эскалация, ответственному редактору приложения «НГ-дипкурьер» Юрию ПАННIEВУ рассказал академик РАН, руководитель Центра международной безопасности ИМЭМО РАН Алексей АРБАТОВ.

— **Алексей Георгиевич, президент Владимир Путин назвал ядерную доктрину РФ живым инструментом, допустив, что в нее могут быть внесены коррективы. Считаете ли вы, что речь может идти о понижении порога применения ядерного оружия?**

— В нашу ядерную доктрину регулярно вносятся коррективы. Нынешняя доктрина в ее развернутом виде — «Основы государственной политики РФ в сфере ядерного сдерживания» — была принята летом 2020 года. С тех пор ситуация кардинально изменилась. Было бы удиви-

тельно, если бы в доктрину как центральный элемент нашей военной политики и важный компонент внешней политики не вносились изменения.

Что касается ядерного порога, то предсказывать здесь трудно. Исключаю, что на крайне негативном фоне будет принято обязательство о неприменении ядерного оружия первыми, как предлагают наши китайские и индийские партнеры. Скорее изменения будут носить прямо противоположный характер. В каких формулировках это будет выражено — можно только гадать.

Вернемся к азам: что такое ядерное сдерживание? Это угроза применения ядерного оружия для предотвращения каких-либо нежелательных акций со стороны наших противников. Доктрина направлена на них. Для нас ядерная доктрина не является законодательным актом или статьей Конституции. Если когда-то придется рассматривать вопрос применения ядерного оружия, вряд ли президент начнет с чтения ядерной доктрины.

В документе содержатся два основных случая, при которых Россия может применить

ядерное оружие. Во-первых, в ответ на ядерное нападение на РФ или ее союзников. И, во-вторых, в случае агрессии с использованием обычного оружия, когда под угрозу поставлено само существование государства. Вокруг второго пункта сейчас и ведется дискуссия. Должна ли Россия ответить ядерным оружием на удары ракет вглубь своей территории или на вторжение сил противника?

— **Некоторые наши депутаты, политологи и эксперты полагают, что у Запада якобы пропал страх перед ядерной эскалацией. Так ли это на самом деле?**

— Нет, это не имеет ничего общего с действительностью. На Западе очень боятся ядерной эскалации. Только безумец может предложить развязать ядерную войну, когда на карту поставлено существование своего государства и его союзников. Именно поэтому за два с половиной года конфликта в Украине США не дали санкции Киеву на удары с применением своих вооружений по «канонической» российской территории. Вместе с тем НАТО постепенно расширяет диапазон воздействия на Россию через военную помощь Украине. Сейчас остро стоит вопрос о поставках ракет значительной дальности в обычном оснащении и санкции на их применение вглубь международно признанной российской территории.

Какие могут быть внесены изменения в нашу доктрину? Например, к перечню случаев применения ядерного оружия могут добавить еще один пункт: в ответ на удары по жизненно важным объектам экономического, военного и административного характера. Тогда возникнут вопросы: что такое жизненно важные объекты и с какого момента будет ядерный ответ? Ведь такие удары уже наносились по военным аэродромам и энергетическим объектам.

Другой момент. В ответ на ядерное нападение мы союзников прикрываем угрозой ядерного возмездия, а в ответ на обычную агрессию — нет. При этом НАТО в лице США, Британии и Франции ядерные гарантии союзникам распространяют и на нападение с обычным оружием. Поскольку мы с Белоруссией теперь ядерные союзники, то можно было бы внести в доктрину такую коррективу, что явится неко-

торым понижением ядерного порога.

— **Кстати, прописан ли в военной доктрине США превентивный ядерный удар?**

— Буквальной формулировки о превентивном ударе в их доктрине нет. Правда, США, как Британия и Франция, всегда отвергали обязательство о неприменении ядерного оружия первыми. По стратегической логике это значит, что они допускают такое применение, например, как ответ на неядерное нападение на себя и своих союзников, как упреждающий удар по третьим ядерным и потенциально ядерным государствам (как КНДР и Иран). В эпоху своего ядерного превосходства над СССР они открыто провозглашали такую концепцию, а до недавнего времени — и в отношении Китая, который, впрочем, быстро снижает эту возможность для США. Российская концепция ядерного ответа на агрессию с применением обычного оружия подразумевает как раз превентивный удар, хотя не использует этот термин. Тем более это относится к предложениям о понижении ядерного порога в качестве ответа на ракетные удары вглубь российской территории или локальное нарушение ее территориальной целостности.

— **Значит ли это, что дело все-таки может дойти до ядерных ударов?**

— Ситуация мне представляется очень опасной, поскольку в ходе затягивания и эскалации конфликта в Украине на Западе и в России набирают популярность два ошибочных мнения, дающих в совокупности синергетический эффект. Первое продвигается на Западе некоторыми политиками и экспертами, включая комментаторов среди наших соотечественников за рубежом, что в боевых действиях можно и дальше раздвигать рамки дозволенного, а Россия ядерное оружие не применит. Это очень серьезное заблуждение: в какой-то момент ядерное оружие будет использовано, несмотря на риск эскалации и всеобщей катастрофы.

Это будет определяться не зарубежным, а руководящим российским взглядом на суть «угрозы самому существованию государства», упомянутой в доктрине.

— **Какая ошибка бытует в России?**

— В Москве сложилось активное политическое и экспертное лобби поклонников ядерного оружия. Его представители утверждают, что если мы избирательно применим ядерное оружие, то большой войны не последует. Запад испугается и скажет: «Извините, я больше не буду». Это вторая опасная ошибка. Такие просчеты Россию не раз подводили в военных кампаниях, когда ожидалось одно, а получалось совсем другое. НАТО открыто вступит в войну и осуществит как минимум массированный удар обычными высокоточными средствами большой дальности и по новым, и по старым территориям РФ. Вслед за этим последуют групповые ядерные удары с российской стороны уже по странам НАТО. В ответ — массированный удар ядерными и обычными средствами по России. Мы даже не сможем определить, что на нас летит, и не успеем созвониться с Белым домом — вопреки сценариям российских энтузиастов ограниченного ядерного удара. Контролировать ход событий будет абсолютно нереально.

Есть только один ядерный порог — первый боевой взрыв ядерного боеприпаса. Дальше будет не размеренное восхождение по «лестнице эскалации», о которой фантазировал эпатажный американский стратег Герман Кан в начале 1960-х годов, а срыв в бездну спонтанного обмена ядерными ударами. Это за несколько дней покончит с нашей цивилизацией. Две указанные ошибки там и тут создают гремучую смесь, которая делает нынешнюю ситуацию опасной в квадрате.

— **В чем новизна пересмотренной в Вашингтоне американской стратегии сдерживания?**

— Там есть два главных элемента. Первый — как впервые в истории сдерживать две ядерные сверхдержавы. Одна фактическая в лице России, а другая — потенциальная в лице Китая. Через 5-10 лет КНР сможет сравняться с двумя сверхдержавами по ядерному потенциалу. И поскольку Россия и Китай являются американскими противниками, а между собой — стратегическими партнерами, США рассчитывают на борьбу сразу с двумя держа-

вами. Во-вторых, США теперь отошли от концепции ограниченной ядерной войны, которую они первыми выдумали еще в 1960-е годы. Ныне к ней склоняется Россия, что американцам, естественно, не нравится. В ответ в США принята стратегия интегрированной многосферной операции с координированным применением обычных и ядерных ударов. Плюс кибервойна, космическая и информационная война.

— **Выходит, американцы сбросили со счетов атомные амбиции Северной Кореи?**

— Разумеется, Северную Корею американцы держат под прицелом. Если они получают достоверные данные о том, что Пхеньян предполагает ядерный удар по Южной Корее, Японии или по США, они немедленно нанесут то, что называется упреждающим ударом. Для КНДР у них вполне достаточно авиации и высокоточных обычных ракет разнообразного базирования, а «про запас» — баллистических ракет подводных лодок Trident с тактическими ядерными боеголовками.

— **Ракеты Tomahawk в 2026 году могут появиться и на территории Германии. Чем это грозит России?**

— Это возвращение ракет средней дальности в Европу, что создало большую угрозу в начале 1980-х. Ее удалось благополучно предотвратить, благодаря Договору о ликвидации ракет средней и меньшей дальности 1987 года после встречи Горбачева и Рейгана в Рейкьявике. Но договор был денонсирован по инициативе США в 2019 году. Сейчас в США и ФРГ указывают, что новые/старые ракеты будут в обычном оснащении. Но без Договора мы не сможем это проверить. К тому же сегодня они в обычном оснащении, а завтра в каком? Тем более что в ВМС США возвращаются такие же ракеты в ядерном оснащении. То же относится и к плану размещения похожих и более новых, гиперзвуковых, ракет в западной части Тихого океана.

— **При каких условиях Россия была бы готова вновь обсуждать с США контроль над ядерными вооружениями?**

— Здесь наша позиция высказана ясно, но весьма обобщенно с 2022 года: когда США и НАТО свернут свой антироссийский курс. Видимо, конкретно имеется в виду прекращение поддержки Украины и согласие на завершение конфликта на российских условиях. Больше всего Москву возмущает провозглашенная на Западе цель нанесения «стратегического поражения» России, хотя там никогда не разъяснялось, что это означает.

Как бы то ни было, ясно, что возобновле-

ние двустороннего, а затем и многостороннего диалога по контролю над ядерными и иными вооружениями возможно только после прекращения огня и начала процесса мирного урегулирования текущего вооруженного конфликта в центре Европы. Конечно, в том случае если две отмеченные выше опасные ошибки до того не взорвут весь мир.

Юрий Паниев, зав. отделением международной политики «Независимой газеты»

Григорий Явлинский

Российский политик, экономист,
председатель Федерального
политического комитета партии «Яблоко»

СОМНАМБУЛЫ И МИР.

RTVI

12 СЕНТЯБРЯ 2024

Всем очевидно, что Россия и Украина на данный момент не могут вести никаких содержательных переговоров о мире, что на поле боя ситуация тупиковая, а число жертв военного противостояния продолжает расти ежедневно. Поэтому единственное, что сейчас можно и нужно сделать — это заключить соглашение о прекращении огня и перестать убивать людей. Но чтобы сделать этот жизненно важный шаг, необходимо понимание необратимой трагичности и стратегической бесперспективности происходящего, требуется воля и дипломатическая мудрость лидеров России, Украины, США, Великобритании, Евросоюза, а возможно,

еще и Китая, Индии и Бразилии.

Однако современные правящие элиты оказались крайне слабы в профессиональной дипломатии и понимании перспективы. Этим они очень напоминают тех политиков, которые в начале прошлого века привели мир к Первой мировой войне. Они действуют не в соответствии с реальностью, а на основе wishful thinking, т.е. выдавая желаемое за действительное, предпочитая не понимать ни смыслов, ни последствий происходящего. Среди сегодняшнего мирового правящего класса распространяемым явлением становится политический сомнамбулизм.

Существенное влияние на мировую политику, на принятие решений сегодня оказывают современные цифровые технологии, всеобъемлющие социальные сети, разрастающееся внедрение искусственного интеллекта. Не стоит забывать, что Первой мировой войне, провалу Версальскому миру и, как результат, еще более разрушительной Второй мировой войне предшествовал технический и промышленный бум в начале 20-го века. Только пережив катастрофу двух мировых войн, человечество смогло сформулировать основы новой совместной жизни — неприкосновенность жизни человека, его права и свобода как абсолютные и непререкаемые ценности. Сегодня эти основы критически ослабли и мы снова, как и 110 лет назад, в шаге от большой войны.

—

Об угрожающих проблемах мировой дипломатии, о роли США в российско-украинском конфликте и о том, зачем нужно прекращение огня лидер партии «Яблоко» Григорий Явлинский рассказал в эфире RTVi Марианне Минскер.

— Григорий Алексеевич, на днях канцлер Германии Олаф Шольц неожиданно заявил, что настал момент для дискуссий о завершении конфликта в Украине. Причем и с Москвой, и с Киевом. Вы что-то подобное говорили уже очень давно, и говорите. Как вы объясняете, почему именно Шольц и именно сейчас заговорил о мире?

— Если ответить коротко, это неважно, что он сказал. Если более подробно — это его проблемы внутри Германии. Он приближается к выборам. И у него новые партии — правые, левые, — угроза для него, чтоб его не переизбрали. И он знает, что значительная часть населения в Германии хочет мира в Украине и не хочет продолжать поставки оружия из Германии и так далее. Тем более, что в Германии очень неблагоприятная экономическая ситуация. Ну вот он это все знает, поэтому, поговорив немного с Зеленским, он придумал себе, что тут нужно сказать.

— Это подготовленная, продуманная позиция со стороны канцлера Германии?

— Нет-нет, это просто заявление.

— Или он просто частное мнение выразил?

— Нет, это просто разговор. Ну вот он это сказал, ничего содержательного он к этому не добавил.

— А мы можем предположить, к кому он обратился? Всё равно он же сделал такое заявление.

— К избирателям.

— К Москве, к Киеву, к Евросоюзу?

— К избирателям он обратился. К избирателям.

— Только лишь?

— Это реклама, это такая игра. Он обратился к избирателям, ни к кому он не обратился. Он несколько месяцев назад говорил, что ничего этого не надо. Теперь выборы прошли неудачно, некоторые региональные. Но существенно неудачно. А какой короткий ответ? Давайте я вам скажу короткий. Он не имеет значения. Только Вашингтон имеет значение. Все остальные не имеют значения. Поэтому он может говорить все что ему влезет. Вот и все.

И последнее. Я говорил и говорю о прекращении огня. Это совсем другое. Прекращение огня не несет в себе вот эти всякие подробности: что с территориями будем делать, что с границами.

— Это уже вторично?

— Это потом. Годами, десятилетиями — сколько хочешь можешь обсуждать. Убивать друг друга перестаньте! Вот о чем речь. А Шольц не так сказал. Он сказал там про какой-то мир. Они поняли, что в Швейцарии ничего не получилось без России, теперь уминают, что надо пригласить Россию. Только о чём? Только что, сегодня, Киев выразил огромное недовольство тем, что сказала Бразилия, что сказал Китай. Причем в такой форме, в которой обычно со мной разговаривали ребята с соседней улицы. То есть никакой дипломатии нет, вот.

— Но это уже давно мы видим, что ее нет.

— Да. Так это вот одна из важных вещей, говорящих об изменениях, которые произошли в мире. Что нет профессионального дипломатического подхода ни к каким проблемам. Дипломатия — то, что когда-то делал Киссинджер, то, что делал Громыко — нету ничего.

— Это факт.

— Вот поэтому мы и сталкиваемся с такими проблемами.

— Смотрите, если говорить о реакции или о возможной реакции на слова Шольца, то глава Совбеза Шойгу заявил: «Пока мы не выкинем ВСУ с нашей территории, никаких переговоров с ними вести не будем». Можно ли считать это официальным «нет» Москвы?

— Это очевидно. Шойгу мог это говорить, мог не говорить. Потому что сейчас, как раз на сегодняшний день, ситуация-то какая? Там продвижение российских войск идет в сторону Покровска, очень существенное. И это очень существенное, так сказать, пересечение, которое там находится, потому что через Покровск проходит очень много железнодорожных всяких путей. И одновременно, насколько я понял, идет активное наступление на Суджу — это уже в Курской области. Ну так а кто будет останавливаться? Для чего вести переговоры?

— Сейчас, да, про Курскую область мы тоже поговорим отдельно. Но в любом случае то, что озвучил Шойгу — это публичная позиция, официальная позиция. А что вам известно о непубличных заявлениях, непубличных разговорах? Что говорят ваши знакомые, может быть, ваши какие-то источники, близкие к Кремлю? Готовы ли власти пойти на какой-то шаг, похожий на переговоры?

— Значит, у меня никаких специальных источников нет. Я вам могу только сказать собственные наблюдения и рассуждения. Так много раз уже в разных формах со стороны Москвы звучало, что вот можно идти на переговоры. Между прочим, так внятно это звучало первый раз прошлой осенью, если помните. Я тут у вас был, вы меня долго спрашивали обо всем. И потом было в этом контексте было заявление. И какой последовал ответ, ну вот на это устное заявление? А ответ последовал тогда — потопили военный корабль и активно обстреляли Белгород. Ну и все. Потом это было с этим журналом Карлсоном, который там брал большое интервью, да.

— Интервью взял у Путина.

— И опять это было сказано. И сразу же каждый раз... вот как только это говорится, какая-то очень активная происходит атака или очень активное действие.

— Это для чего делается?

— А чтобы отодвинуть эту тему. Это ответ.

— То есть Украина не готова к переговорам?

— Ну, из вот этой конструкции — да. Так она только все время говорит... Зеленский что говорит? «Вот, тут мы готовим, так всё готовим». Вот они готовят и готовят, и готовят, и будет это, и будет то. А в чем там содержание, так сказать? Ничего там неизвестно. По крайней мере, что они готовят, я не знаю.

— А почему, как вы считаете?

— И в ответ на все на это в очередной раз. А вспомните, в Петербурге этим летом, опять очень внятно Путин высказал свои предложения. «Вот мы готовы к переговорам, — он говорит, — вот на таких-то условиях». Ну, в прессе это было воспринято как ультиматум, и там есть ультимативные установки. Сейчас я к этому вернусь. В ответ что произошло? Курск. То есть если вы проследите внимательно, то увидите, что на каждое такое предложение (реальное, нереальное, такое, другое), все время ответ вот такой. То есть ответ: ничего мы не будем, никаких переговоров.

— На таких условиях, может быть, не будем?

— Теперь вернемся к тому, что я считаю надо делать. Я буду много раз сегодня это повторять, наверное. Прекращение огня. А потом обсуждайте, на каких условиях: на таких условиях, не на таких условиях. Не соглашайтесь, проводите заново. Южная и Северная Кореи провели более 150 раундов переговоров прежде чем достигли соглашения о прекращении огня. Там прекращение огня уже 71 год, с 1953 года. Ну так и здесь: с чем-то можете соглашаться, с чем-то нет, но просто прекратите эскалацию. Решайте целый ряд вопросов с разведением войск, с демилитаризованными зонами, с внешними наблюдателями из третьих стран и так далее.

— Я про прекращение огня и про мирные переговоры... мы чуть попозже еще поговорим.

— Хорошо, пожалуйста.

— Потому что это тоже большая тема и там тоже много вопросов.

— Пожалуйста.

— Я пока бы вот о чем хочу. На территории Курской области уже месяц как идут бои — я уже не говорю о дронах и беспилотниках, которые долетают уже даже до Подмосковья, — но по ощущениям большинство жителей России, да и политиков, и чиновников, в общем-то,

как-то не особо сильно беспокоит и тревожит, что война пришла уже внутрь России. Почему так?

— Ну, во-первых, если вы обратили внимание, то по российской Конституции вся война идет на территорию России. Да? Потому что российская Конституция объявила все эти регионы Россией. И в этом смысле формально Курская область ничем не отличается от Донецкой, от Луганской, от Херсона, Запорожья и так далее.

— Но формально...

— Формально это просто сто процентов так. Ну и, собственно, все. А что вы хотите? Чтобы что? Чтобы что? Ничего люди там... Ну, они, конечно, помогают там жителям как могут, так они и в других местах помогают. Вот. Короче, это просчет. Вот все, что ожидалось от этой операции, оказалось просчетом. Это ошибка. Они сделали, что смогли, но оказалось, что это не сработало.

— Российские вооруженные силы, российские власти сделали все, что могли?

— Нет, украинские. Они сделали все, что смогли, в смысле того, что они вошли в Курскую область там, заняли некоторую территорию там (не бог весть какую большую, но заняли).

— Ну, большую. Заметную.

— Заметную, да. Вот. Но они-то ожидали, они-то хотели чего? Чтоб оттянули силы оттуда, с юга, а это не получилось. Россия отреагировала вот так, как она отреагировала. А теперь, может быть, — я подробностей, опять же, не знаю, — может быть, она собралась с силой. Иначе говоря, давайте это как-то обобщим, я попробую. Ошибки все это.

— Чьи?

— Общие. Я нахожусь в затруднительном положении, потому что я нахожусь в Москве и говорю как российский политик, поэтому я не вправе ни критиковать Украину, ни что-то говорить, тем более, что мы начали эту операцию. Но суть такова, что каждый день гибнут люди. Вот вам и всё, вот вам и все результаты.

— А как вы объясняете, почему стал возможен не только прорыв ВСУ, но и то, что они заняли заметную, как вы сказали тоже, часть территории Курской области? Почему, чья это

ошибка со стороны российского руководства? Почему никто из высоких чиновников не понес за это наказание?

— Ну, то, что мне известно, что не прислушались к разведке. Что вроде бы как — точно, опять же, я не могу сказать, но то, что мне известно, — это разведка об этом докладывала. Хотя, между нами говоря, я думаю, что это так и было. Потому что, ну, как это можно не видеть?

— Ну, конечно.

— Да. Но...

— Проигнорировали?

— Почему-то, да, принимающие решения либо не доложили на соответствующий уровень, либо проигнорировали, как вы верно сейчас сказали. Ну и дальше вот произошло такое. Теперь вы спрашиваете, почему что?..

— Никто не понес наказание из высоких чиновников?

— Слушайте, в стране, в которой десятки руководителей Министерства обороны десятки лет не несли никакие наказания, а потом их за несколько месяцев прям всех арестовали. Ну что вы хотите?

— То есть по такой же схеме?

— Придет время, придет время. Но я должен сказать, что тут так все устроено, что не сразу — по разным причинам, по каким-то там своим внутренним, — но приходит время, и потом это все происходит. И такие ошибки происходят часто — это не первая, их много было. Из-за этого так все это развивалось.

— Некоторые российские политики предлагают выбить ВСУ с территории Курской области с помощью ракетных и бомбовых ударов. То есть стереть с лица земли вот эту вот территорию. Как вы считаете, это просто риторика такая агрессивная — напугать — или нет? И при каких условиях российские власти могут решиться на такой шаг?

— Не будут. Я думаю, что так делать не будут. Тем более, что, как я понимаю, сейчас уже идет там наступление, и вроде получается. Вроде частично восстановили мосты, которые там были уничтожены. Ну, соберутся с силами, и, я думаю, что через какое-то время удастся выдвинуть оттуда.

— Вот на вопрос, почему Зеленский решил

атаковать Курскую область, есть несколько точек зрения. Например, что решил показать Западу, что силы еще есть. И другая — которую Киев, например, озвучивает, — что вторжение в Курск нужно для усиления переговорных позиций Украины. Вам какая ближе?

— Ну, что они смогли, то они сделали. Вот такая мне ближе. Будет ли это усиление переговорных позиций? На мой взгляд, нет, наоборот.

— То есть по факту Киев не усилил переговорные позиции?

— На мой взгляд, это просто наоборот. Просто прямо наоборот. Ну вот, собственно, и всё. Это... понимаете, с политической точки зрения, с идеологической, на некоторое время там какие-то положительные для них продвижения. А с военно-стратегической точки зрения это ошибка. Потому что — какой смысл? И куда? Это не станет фактором переговоров.

— Ну, может быть, тогда показать Западу, что вот мы можем, смотрите, давайте нам больше оружия?

— А можем что? Что мы можем?

— Ну, мы можем занять значительную часть территории России.

— И что? И дальше что?

— Нет, я спрашиваю.

— Ну, так и я продолжаю ваш вопрос: и дальше что?

— Дальше что? Давайте больше денег, больше оружия, мы все сделаем.

— То есть вы же сейчас что сказали? Что Киев хочет продолжать активную войну и этого добивается. И не позволяет вести никакие переговоры, и не позволяет ничего остановить. Ну так моя точка зрения заключается в том, что это ведет к крайне негативным последствиям, в том числе для Украины. Во-первых, это гибель людей — что для меня самое главное, чтобы прекратить. А во-вторых, это лишение Украины будущего. Они ведут такую политику, которая приведет к страшным последствиям для Украины, к страшным. Россия — это отдельный разговор, просто отдельный разговор. Очень серьезный, очень сложный. А к ним... Ну, они же сейчас уже понимают, что будет этой зимой, после того, что так пострадала энергетика Украины.

— А что будет этой зимой?

— Ну, будут большие у них проблемы с теплом, с электроэнергией. Потому что все время — полгода, с весны и почти все лето — наносились удары по энергетическим системам Украины. Как они будут это преодолевать? У них серьезные экономические проблемы, серьезные энергетические проблемы и серьезные финансовые проблемы. Там останавливаться надо было в 2022-м году осенью. Как минимум.

— Украине?

— Ну конечно. После того как они...

— А как останавливаться, на каких условиях?

— А очень просто. Минуточку. Вопрос стоял о том, что я сейчас подчеркиваю... я говорю мысль о том, что это должна была быть такая инициатива. Ну, я уже не говорю про стамбульские договоренности, про них все время только и делают, что говорят. Обратите внимание, вот тот факт, что про них все время говорят, бесконечно. Говорят о том, что... в душе все чуть ли не тоскуют, потому что так надо было решать всё. Кто отменил это всё? Уже хорошо известно — американцы. Нуланд, все прочие сказали: «Ни в коем случае, продолжайте!» Продолжайте за чей счет? Продолжайте за чью кровь? Продолжайте. Ну, продолжайте. Вот продолжаем. Осенью 2022-го года у них получился серьезный результат. Не такой, как в Курске, а серьезный. В Харькове и в Херсоне. Они отодвинули российские войска и так далее. Вот. И это произвело огромное впечатление на всю Украину и на весь мир, кстати говоря. Вот был момент, когда надо было сказать: «Прекращение огня и начинаем переговоры». Вот он.

— А Россия тогда пошла бы на такой шаг?

— Не знаю, не знаю.

— Но, может быть, кулуарно?

— Нет, не надо фантазий, я не знаю. Кулуарно. Я не верю ни в какие украинско-российские разговоры кулуарно, я их не вижу. Только по обмену пленными — вот это да, это происходит, это известно. Ну, трупы, обмен труппами, пленными.

Нет — контрнаступление в 2023-м. И проиграло контрнаступление, не получилось контрнаступление. Ну и всё. И дальше уже пошло всё вниз-вниз. И теперь каждый следующий месяц ведет к огромным жертвам и к потерям эконо-

мическим, и к потерям возможностей вести переговоры. То есть переговоры будут, прекращение огня будет, но оно уже будет тогда, когда всё дойдет уже совсем до предела.

— И кто это будет решать?

— А жизнь уже будет решать. Если так дальше продолжать, если всё время тянуть эту резину в таком виде... Ну, надо же понимать: вот смотрите, сейчас в Америке идут выборы — я не знаю, вызывают ли они у вас улыбку, или что они у вас вызывают, — но это вообще тоже тема, говорящая о состоянии мировой политики и так далее. Вот. Значит, в ближайшие полгода там разговаривать будет не с кем толком и обсуждать будет нечего толком. Никто никаких особых решений не примет. Таких перспективных. Потом будет инаугурация в январе, потом формирование новой администрации. Ну, то есть они будут готовы к переговорам где-нибудь в апреле. Вы представляете, что произойдет за все это время, сколько всего будет происходить? А они все решают, потому что они предписывают. Они теперь даже открыто говорят об этом в своих интервью везде, что они как бы указ. Так в этом всё и дело. Это противостояние России с ними, но на территории Украины. Я сказал об этом летом 2021 года, что так будет. Ну?

— По поводу мирных переговоров. Вы давно говорите о необходимости прекращения огня.

— Да.

— В Кремле вашу точку зрения знают.

— Да.

— Мы с вами в одном из эфиров обсуждали вашу встречу с Путиным, на которой вы об этом говорили.

— Да.

— Мы подробно с вами это обсуждали. Вот сейчас прошло какое-то количество времени. Во-первых, какие-то контакты у вас с ним или с кем-то из его окружения, разговоры по телефону или лично были?

— Нет, ничего такого нет. Но просто могу сказать, что в контексте нашего с вами интервью тогда и разговора, и вот этого разговора... ну, я так косвенно сошлюсь. Была в декабре огромная статья в *New York Times*, которая как раз описывала этот сюжет с прекращением огня и с позицией Путина по этому вопросу. И как

я вам уже сказал, он вообще сам сказал, а потом он Карлсону всё это сказал. Ну вот. И потом оно все время повторяется в самых разных формах.

— Ну, может быть, вы... как-то до вас доносится позиция. Вот в Кремле сейчас вашу эту инициативу о прекращении огня сейчас поддерживают или как к ней относятся?

— Нет, там публично формулируют по-другому. Они формулируют так, что она получается в конце всяких условий, а ее надо поставить вперед. Но вот это и есть вопрос, чтобы договариваться именно об этом. Но договариваться, как мы видим, нужно не только с Киевом, но и с Вашингтоном. Вот в чем проблема.

— Давайте сейчас вот вторую часть: огонь прекратили и дальше мирные переговоры. Вот сейчас про прекращение огня мы поговорим чуть подробнее, чуть позже. Мирные переговоры. Главный вопрос — что будет предметом торга? Потому что очевидно, что Киев не согласится отдать России Донбасс, Луганск, Запорожье, а Россия не согласится вернуть их Киеву. Это тупик. В чем тогда... где компромисс искать?

— А и не надо, не надо. Тупик, он и есть тупик. Только не стреляйте — и все. Сейчас ни о чем договориться невозможно. Я не о мирных переговорах, никакого общего языка на данный момент нет. Не убивайте людей! Вы же убиваете людей с той и с другой стороны. Понимаете? Вот же в чем дело. Вы же убиваете тех, кто на фронте, гражданских лиц. Гибнут дети, гибнут женщины, гибнут старики. Гибнут просто все люди. Прекратите вот это, прекратите! И вместе с этим погашена частично будет эскалация. Ну и всё. А потом введите переговоры, о чем хотите всю жизнь.

— Григорий Алексеевич, вот объясните мне, совершенно невоенному человеку. Вот подписали соглашение о прекращении огня. Всё, перестали стрелять. А при этом осталась куча оружия с обеих сторон. И мы знаем, что Запад производит и поставляет оружие в Украину, и Россия, российские предприятия ВПК, многие из них, как мы знаем, работают в три смены. Вот это что, всё как-то молниеносно остановится?

— Нет, это не остановится.

— И куда денется это оружие?

— Никуда оно не денется. Оно будет в арсе-

налах, часть будет на фронте, будут замены. Всё это будет продолжаться, но стрельбы не будет. Так оно всегда и было, всю нашу с вами жизнь. Американцы делали оружие, Европа делала оружие, Советский Союз делал оружие до бесконечности. Советский Союз, между прочим, экономический крах потерпел в связи с тем, что делал просто бесконечное число этого оружия. Ну и что? Ну, так всегда и жили, так и опять будет.

— А может быть такое, что соглашение о прекращении огня подписано наверху (это официальная позиция), но поскольку оружие осталось, и люди там еще остаются — постреливают, продолжают стрелять?

— Сто раз, сколько хочешь. Но это уже потом. Оно будет нарушаться, будет прерываться, будет опять что-то начинаться. Но это единственная дорога.

— А почему тогда по ней никто не идет?

— Ну, потому что как только кто-то что-то предлагает на эту тему...

— Но мы не слышали, чтобы были предложения просто прекратить огонь.

— Почему в Турции?.. А вот нет. Потому что все ставят какие-то ультимативные условия. Ну, потому что дело идет, а почему? Все довольны — те, кто решает.

— Ну, то есть каждый считает, что он выиграет?

— Да-да.

— Москва считает, что Москва победит, Киев считает, что...

— Я не знаю, что считают там.

— В Киеве?

— И я не знаю, что... Ну вот, я думаю, что Вашингтон хочет, чтобы Россия была максимально ослаблена, чтобы потом можно было там делать что угодно. Что считают в Киеве, я плохо себе представляю, я не знаю. А в Москве считают, что всё — мы справимся. Мы будем вот так давить, давить, давить и дойдем до того результата, который нужен. Какой результат? Ну, для начала говорят о том, что там сделали в Турции на переговорах.

— Вернуться вот к той позиции?

— Ну, уже теперь так не вернешься, как там было сделано. Но там было много содержательных вещей. Вот. Вопрос другой: не придумают

ли из этого путь к большому столкновению позже? Ну вот этот вопрос тоже остается открытым.

— А что такое большое столкновение?

— Ну, это мировая война. Между Россией и Китаем с одной стороны, и Соединенными Штатами и Европой с другой стороны. Вот что-нибудь такое. Вот что имеют в виду в этом отношении, куда двигаются в этом отношении, как будут развиваться события в этом отношении? Ну, вы же видите, насколько падает авторитет ООН, вы же видите, что Совет Безопасности перестал работать вообще, вы же видите, что американские политики очень хитро говорят о том, что они из Европы собираются уходить. А что будет делать без них Европа? Она просто представить себе не может, как она будет жить. Ну, а что в таких условиях должен делать их противник или их оппонент? Он им предлагал Ялту-2, они отказались от Ялты-2. Ну, теперь смотрите, что будет.

— Вот смотрите, Байден и Блинкен намекают, что скоро разрешат украинцам бить по территории России дальнобойными ракетами. Более того, якобы это решение уже принято — так пишет «Гардиан» со ссылкой на источники в британском правительстве. Это что, такая реакция на мирные предложения Шольца, или что?

— Ну, в какой-то степени, да. Я же вам говорю, это то, чего добивается Киев. Чтобы не было прекращения огня. Ну, это всё.

— Но вы можете пояснить, это Киеву для чего нужно?

— Нет, не могу. Просто не могу. Не могу. Ни содержательно не могу, ни этически не могу.

— В смысле, вы знаете, но не можете сказать?

— Ну, я не могу рассуждать на эту тему, потому что вот она такая особенная. Но это тема Киева. Я не обсуждаю Киев, потому что мы начали это всё.

— Если эти дальнобойные ракеты полетят в российские города и действительно достигнут цели, и будут они бить по территории России, вот это что, будет означать переход вот тех самых пресловутых красных линий? Как Кремль ответит, чем ответит?

— Будет страшный ответ. Всё. Какой именно, я не знаю, но будет страшный ответ. Это эска-

ляция!

— Но это ядерный ответ?

— Может доиграться до чего угодно. Я не знаю.

— А вообще такие решения о ядерном ответе — может быть, до вас какие-то доносятся слухи — обсуждаются в коридорах Кремля?

— Сейчас? Не знаю. Нет, но могут. Ну, об этом же много раз было сказано. В Белоруссию было переправлено, потом там испытания были, потом разорваны все договоренности и так далее. Вы меня спрашиваете, есть ли у этого конфликта такая опасность? Есть.

— Да, и мы с вами об этом говорили.

— Велика ли эта опасность? Она меняется. Иногда она становится выше, она...

— А сейчас она какая?

— Сейчас она, на мой взгляд, не самая высокая, потому что я пока еще не могу с уверенностью сказать, что там реально какие-то куда-то полетят какие-нибудь ракеты.

— Но вы можете допустить вот такую мысль, что удары дальнебойными ракетами по территории России возможны? Что американцы действительно разрешат, чего они раньше... ну, по крайней мере, на словах говорили, что нет.

— Ну, мне не хочется фантазировать. Всё может быть. Ситуация очень серьезная. То, с чего мы начали наш с вами разговор: дипломатии нет, дипломатия перестала работать.

— Ну, это же уже никак не поправишь.

— А когда нет дипломатии, может быть что угодно. Иначе говоря, еще раз, ситуация сложилась таким образом, что произошел развал мировой политики. Масштабный, с разных сторон и очень глубокий. Вот когда-то была такая книжка «Политическая энтропия». Развал мировой политики — вот это произошло. Это очень опасная ситуация, разрешить ее сходу не получится — невозможно. Мой интерес здесь только в одном: поймите, ничего важнее спасения жизни людей нет. Это единственное, это самое главное.

— Ну, с этим не поспоришь, но...

— Ну, так не поспоришь, и почему это никто не делает?

— Почему это никто не делает?

— Ну, никто ж не делает. Но, между прочим, целые толпы говорят, что надо продолжать. Тол-

пы. Вон опрос по моей статье — 60 на 40. 60% кричит: надо продолжать. Я уж не знаю, где они находятся. Наверное, они где-то...

— В Австралии.

— В другом месте находятся, там читают это. Но вот вам. Вы говорите... Да, это очевидно, но, вот видите, не совсем очевидно.

— А Владимир Владимирович вам сказал что?

— Ничего про это не сказал.

— Когда вы сказали, что надо прекратить огонь.

— Не сказал ничего. Выслушал очень внимательно, задал немало вопросов, но ничего не сказал.

— Кремль, Киев, Евросоюз, НАТО, Вашингтон — основные игроки в этом конфликте. Кто из них заинтересован в мире, на ваш взгляд?

— Люди. И всё.

— Ну как, вы говорите только что, что 60% говорят, надо продолжать. Явно они не заинтересованы в мире. Какие люди?

— Они не понимают, что они пишут и как они голосуют. Люди объективно заинтересованы. Вы допускаете, что люди иногда делают вещи, которые они не понимают, что они делают? Потом они говорят...

— Мы маленькие дети, да?

— Знаете, такая фраза, очень хорошая, знакомая вам фраза: «Кто же мог подумать?» Вот. Потом начнется опять: кто же мог подумать? Это вот московская интеллигенция очень любит — кто же мог подумать? Вот кто же мог подумать? Может, лучше подумать? Лучше, может, понять, что хватит? Остановитесь! Прекратите убивать людей!

— Но это вы кому говорите?

— Вам.

— Но я с вами не спорю, я это всё прекрасно понимаю.

— А вот 60% спорит.

— Но вы сказали это человеку, от которого зависит это решение.

— Да.

— И он промолчал?

— Он промолчал. Он промолчал, потому что... Так я вам что хочу сказать? Вот из этих, условно скажем, 60%, которые говорят «продолжать», там что, все за то, чтобы... кто продолжал? И за-

чем? Они же... их можно поделить пополам. Это те и те, которые считают, что победить должна Украина и которые считают, что победить должна Россия. То есть продолжаем всё вот это. Ну вот, это неправильно. 40%, они говорят одну вещь: «Остановитесь!» А эти? А эти говорят: «Нет, будем продолжать».

— Тоже чужими руками.

— Вот же, вот. Они там в уютных рестораничках, а не в окопах.

— Смотрите, вот вы про Америку начали говорить. Дональд Трамп заявил на дебатах, что войну пора прекращать. В ответ на это Камала Харрис обвинила его в потакании диктаторам.

— Значит, она ему сказала: «Ты потакаешь диктаторам, надо продолжать войну!» — сказала она. Так? Ну так я вам только что об этом и сказал. Ее же власть сейчас там, она же...

— Но она не могла по-другому сказать. Очевидно.

— А я не знаю, я не знаю. Я думаю, что значительная часть американцев хочет, чтобы уже это завязать. Их интересуют деньги. Их интересуют налоги, деньги, стоимость продуктов, стоимость жилья. Их это интересует, ничего большего американскую публику не интересует.

— Если Трамп выиграет эти выборы, война остановится?

— Не знаю, не так просто. Это же популизм. Он же не умеет так смеяться, как умеет смеяться его конкурент Камала Харрис. Он же не так замечательно смеется, что очень нравится некоторым, как вы знаете. Ну что про это еще скажешь? Они обсуждают море крови и обсуждают такими... Ну, он там болтает, что за день они там всё закончат. Ну, это...

— Но для России чья победа в американских выборах выгоднее?

— Не знаю. В нынешних обстоятельствах трудно сказать.

— А вы за кого?

— А я объясню почему. Во-первых, потому что то, что они сегодня говорят и что они будут делать, это, может быть, абсолютно разные вещи. Во-вторых, я лично думаю, что никто из них толком не знает, что он будет делать — в этой части. В-третьих, мир настолько изменился и стал таким особым, что представлений о том, что нужно делать и какую политику про-

водить в таком новом мире из правящей элиты сегодня нет ни у кого. Эта правящая элита похожа на правящую элиту, которая привела к Первой мировой войне. Это такие же сомнамбулы, которые вроде всё видят и куда-то идут, но сути, куда они идут и к чему они придут, они не понимают. И это массовое явление в сегодняшнем правящем классе в мире. Одной из причин такого их состояния являются сети: интернет, социальные сети, новые технологии, цифровые технологии. А скоро еще будет искусственный интеллект. Мало никому не покажется. Так вот, тогда, когда произошли очень крупные технологические изменения, мир пришел к Первой мировой войне. А из нее выросла Вторая. Потому что Вторая мировая война — продолжение Первой. Они так заключили Версальский мир, что привели ко Второй мировой войне. И только после этого возникло — уже после 1945 года — возникли права человека, жизнь человека, свобода человека, достоинство человека, здоровье человека. И так мы прожили 70–80 лет. А теперь всё это опять ушло со сцены. И опять появились сомнамбулы. Опять они так или иначе, такими, другими способами, опять ведут к чему-то подобному.

— К Третьей мировой?

— К чему-то подобному, да, к страшным делам. Ну, правда, ну, я так... Вы же меня спрашиваете? Вот я как вижу это, как понимаю, так вам и говорю.

— Все-таки чтобы закончить тему с американскими выборами, вы сами за кого, за Трампа или за Харрис?

— Я за содержательную политику. Я, лично я, буду воспринимать это как данность. И в том, и в другом случае я буду думать о том, как ответить, как вести себя для того чтобы сохранять жизнь людей. Я, кстати, должен сказать вам, что в определенном смысле, с точки зрения внешней политики, они недалеко друг от друга. Байден недалек от Трампа в части внешней политики. И это Европа должна понимать.

— А как вы считаете, вообще какие цели преследуют американцы вот в этом военном конфликте Россия-Украина?

— Ослабление России и гегемонию свою.

— Но и в Кремле тоже говорят, что одна из целей американцев — ослабить Россию. Но

если это понимают в Кремле, почему тогда они не стремятся прекратить войну, которая ослабляет страну?

— Нет, они хотят доказать, что никто не сможет их ослабить. У них там свое.

— Говоря о тратах на войну, по вашим оценкам, как экономиста, вот этот гигантский оборонный бюджет, насколько он подрывает благосостояние граждан? Или, наоборот, как некоторые говорят, вот эти деньги, которые идут на войну, они идут в экономику в конечном итоге?

— Пока наоборот. Только не так: пока в связи с дефицитом рабочей силы очень сильно растет зарплата и очень большой запрос на рабочую силу. Зарплата растет фантастическим образом.

— Но не у всех.

— Но не у всех. Но растет очень быстро, и все средние показатели очень быстрые. И еще... по крайней мере, оценки МВФ российской экономики и ее состояния, и прогноз по ней на ближайший год очень и очень даже положительные. Что это значит? Это значит, что на самом деле Россия — это огромная часть мира в смысле экономики, в смысле геоэкономическом. Ее ресурсы необходимы миру. И остановить это невозможно. До самого последнего времени американцы покупали российский уран, платили деньги. А Россия на эти деньги вела войну. Я уж не говорю, что газ продолжает поставляться в Европу, да. А через кого он поставляется?

— Через Украину.

— А вот. А почему она не?..

— А почему?

— А вот почему? Вот спросите у них, почему продолжают. Сейчас вот обсуждают: вот сейчас уже кончится срок договора. И будут продолжать или не будут, я не знаю, но до сих пор, да. А как вот вы видите... это как какой-то чиновник, который занимается транспортировкой газа, звонит в Москву и говорит: «Здравствуйте, Сидор Петрович, надо немножко повысить цены на транспортировку, потому что...» «Да, хорошо». Тут заседают, говорят: «Да, мы на 5 долларов повысим, в связи с транспортировкой. А там вот надо что-то исправить». И это по ходу, а одновременно идут вот эти все события. Вам не кажется?

— А как вы это объясняете?

— Деньги. Ну как? Вот в этом всё и дело. Жизнь людей — бог с ней. А деньги? Деньги — это да, это надо. И потом, не надо обижать тех, кто там... вот дружков. Они же дружки, вот не надо, чтобы обижали. Ну вот эти поставки и продолжают, в том-то и дело.

— Это, конечно, немислимо.

— Вот ваше лицо сейчас очень точно всё выражает. Вот в чем дело-то. Так я еще раз говорю, уже 25-й раз: людей перестаньте уничтожать и занимайтесь этими всеми глупостями. Потому что смыслы из политики исчезли.

— При этом, что мы видим, если говорить про экономику? Инфляция высокая и продолжает расти, кредиты становятся всё более недоступными. То есть я правильно понимаю, что Центробанк проигрывает пока в борьбе с инфляцией?

— Ну, она примерно такая же, как и была раньше. Но он проигрывает только по отношению... Не он проигрывает, а общество проигрывает. Центробанк ничего не проигрывает, а проигрывают люди. Исчезает средний класс, в том смысле, в котором...

— Мы привыкли.

— ...я его понимаю. Для меня средний класс — это предприниматели свободные. Не те, которые принадлежат государству. Средний класс — это не размер зарплаты, а это свобода. Когда ты сам решаешь, что ты делаешь, сам зарабатываешь, сам платишь налоги. В России его теперь не будет. Идет деприватизация, как вам известно, средний класс уничтожается. Нарастает государственная экономика. И даже не экономика, а просто такое государственное устройство. То есть вот эти цифры роста, которые сейчас можно найти как в российских, так и в западных оценках, это рост без развития. Вот в чем тут суть дела. Такой рост без развития был в начале 2000-х годов. И он в итоге — ну, там через очень многие итерации — привел туда, где мы сегодня находимся.

— А к чему вот этот рост без развития может привести? Чем это чревато, чем это опасно?

— Ну, чем опасно? Будет продолжаться вот это всё то, что сейчас. И всё. Это рост без развития. То есть не появляется нового качества. Не появляется свободных людей, не появляется роста равномерного — то, о чем вы упомянули.

ли — равномерного роста благосостояния.

— А ситуация в экономике сейчас... то есть, вы ее не описываете как тяжелую? Мы не можем сказать, что сейчас тяжелая ситуация в российской экономике?

— Это качественно другая экономика. Там можно говорить, что происходит перегрев в этой экономике, нагревание, согревание. Но это качественно иная экономика. Это экономика, не сориентированная на возможности человека, на развитие человека, на будущее для человека, на будущее для наших всех детей и внуков. Она не сориентирована на это. Это замкнутая экономика на решение текущих задач вот такого в том числе безумного типа. Это другая экономика.

— Если всё будет продолжаться как сейчас, то на сколько еще хватит и пушек, и масла?

— Ну, будет... Это будет очень зависеть от мировых рынков. Если цены... сейчас вот упали цены на нефть до 70.

— Ну да.

— Да? А 70 — это что за цифра? Это цифра санкций. То есть это не совсем туда вниз. Если я не ошибаюсь, то себестоимость нефти где-то 13-14 долларов. Ну, 70 там разница-то не маленькая, да. У нас 13-14 долларов. На Востоке там 3-4 — это другое дело — а здесь 13-14. Ну, поставки... Для чего Путин ездил в Монголию? Он уговаривал их строить «Силу Сибири», прокладывать газопровод в Китай.

— Уговорил?

— Непохоже. У них там с Китаем... Китай — это вообще отдельная история, это тоже очень серьезный и сложный разговор. Но это фрагментация мира происходит, понимаете? Всего. Наступает время другое. Ну вот как перед Первой мировой войной. Новое время, много обстоятельств новых появляется. А понимать этого никто не хочет, вникать в это дело никто не хочет. И дипломатии не существует современной. Все только ругаются и обещают что-то, потом ничего не выполняют.

— А с точки зрения благосостояния российского населения, оно в ближайший год не изменится, упадет, вырастет? Как вы оцениваете?

— Ну, оно будет разное. Про ближайший год мне сложно сказать, но про то, что было в последнее время, я бы сказал так, что многие

группы населения, которые жили очень плохо, сейчас получили источники доходов, которые совершенно для них были неожиданными.

— Вы имеете в виду, пошли на войну и получают фронтовые деньги?

— Конечно, ну, конечно. Деньги там колоссальные, несопоставимые с тем, что было раньше. И это очень солидно, это очень существенно, это очень серьезно. Для них, для этих семей, для этих регионов там несопоставимо с тем, что было раньше. Это делается за деньги. Кстати, обратите внимание, какие были возможности, как можно было прекрасно развивать страну, как можно было всё делать без вот этого всего. И это бывшее еще бы наращивало.

— А почему, Григорий Алексеевич, вот эти огромные деньги, огромные траты, которые в итоге пошли на войну, не пошли в экономику до этого?

— А вот, так я только что и говорю вам. А потому что другие были геополитические цели. Потому что вместо цели развития собственного народа, своей страны, будущего и так далее, придумывали другие цели. Ну вот эти попытки устроить вторую Ялту, вот они были тоже на эту тему.

— А все-таки как вы объясняете, почему российское население не заботят вот эти гигантские траты на военный бюджет? И сами боевые действия не особо заботят, как мы видим. Вот это что? Это апатия, усталость или всё равно?

— В нашей стране очень много хороших людей. Я больше 30 лет занимаюсь (35 лет, наверное) публичной политикой и имел возможность проехать нашу страну много раз и побывать, видимо, почти во всех регионах, и разговаривать с людьми в разном контексте. Я могу сказать вам, что у нас очень много прекрасных людей — добрых, умных, — но у нас нет общества. А это значит, что люди думают только о себе. Они не думают, они не верят. Это же была специальная политика в начале 2000-х годов — деполитизацию провести — доказать людям, что они ни на что не влияют.

— Смотрите, вот недавно относительно произошел обмен заключенными, и Яшин, Кара-Мурза, Пивоваров и другие оппозиционные политики оказались на свободе, слава богу, на Западе. Вот для вас сейчас кто является лиде-

ром российской оппозиции, и могут ли вот эти оппозиционеры, которые сейчас на Западе, объединить усилия и как-то ускорить приближение мира или что-то изменить?

— Я очень рад, что эти люди оказались на свободе. Некоторых из них (как Володю Карамурзу) я лично знаю и просто очень рад. Да я и Илюшу Яшина знаю. Я очень рад, что они на свободе, очень рад за них. Что касается вашего вопроса, я не знаю, как там всё это будет развиваться и...

— А возможно? Возможно это?

— Не знаю, не вижу пока предпосылок. Посмотрите, какие они там ведут между собой дискуссии.

— Я поэтому и спрашиваю.

— Это отдельная тема, и она мне неинтересна. А вот 700 человек-то продолжают оставаться.

— Это да.

— Вот они меня интересуют. Вот с ими мы будем заниматься.. А еще я вам хочу сказать, что в России есть люди, которые, например, вот сейчас даже участвовали в таком мероприятии... в кавычках могу сказать «выборы». И шли на них, шли на них с плакатом у себя на груди «За мир, свободу, за прекращение огня». И не побоялись. Да, мы выдвинули 300 человек, до-

пустили 60, победило 9. Но они не испугались!

— Вот мы с вами говорим всё это время очень о мрачных вещах, но, может быть, есть что-то такое, что за последнее время вдохновило или удивило Григория Явлинского?

— Ну, что мы смогли в России, в сегодняшней России, несмотря на все обстоятельства и угрозы, что 300 человек согласились рискнуть собой и свободой ради того, чтобы пойти к людям и сказать им, что нет ничего важнее мира и свободы, и что единственное решение — это прекращение огня. Многие из наших бывших коллег испугались, а новые люди появились, 20–30–35–40-летние, которые пошли на это. И в регионах пошли, понимаете. Это очень достойно и это очень серьезно, потому что они понимали, какая угроза. Это у меня вызывает огромное уважение к этим людям. Я только могу пожелать всем мира и свободы. Вот я это всем и желаю. Могу только сказать, что борьба за мир и свободу — это сейчас главное. И за прекращение огня. Я всем желаю прекращения огня!

— Это был Григорий Явлинский.

Алексей Арбатов

Российский ученый и политик, руководитель Центра международной безопасности Института мировой экономики и международных отношений Российской академии наук, доктор исторических наук, академик Российской академии наук, член Федерального политического комитета партии «Яблоко»

АКАДЕМИК АРБАТОВ: «ПРАВИЛЬНО БОИТЕСЬ, ПОТОМУ ЧТО ЯДЕРНАЯ ВОЙНА — ЭТО КОНЕЦ НАШЕЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ, БЕЗ КОТОРОЙ ВЫЖИВШИЕ ПОЗАВИДУЮТ МЕРТВЫМ».

«КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА»

13 СЕНТЯБРЯ 2024

Академик Алексей Арбатов - глава Центра международной безопасности ИМЭМО РАН, член Федерального политкомитета «Яблока». Один из лучших в России экспертов по контролю над вооружениями. Кому, как не ему, задать вопросы о риске Третьей мировой.

- Алексей Георгиевич, МИД подтвердил, что готовятся изменения в российскую ядерную доктрину. Вы в этой работе участвуете?

- Нет. Я участвую только в широких обсуждениях, которые происходят в экспертном обществе.

- Тем лучше, вы не связаны обязательствами, поэтому спрошу: какие изменения доктрины видятся вам возможными?

- Документ «Основы политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания» приняли в 2020 году. С тех пор многое изменилось: стало ясно, что ядерное сдерживание не защищает Россию от ударов беспилотников

вглубь территории, не предотвратило вторжение украинских войск в Курскую область, не исключило поставки Украине ракет значительной дальности со стороны НАТО. Все это было немислимо четыре года назад.

В текущей доктрине сказано: мы можем применить ядерное оружие в ответ на ядерное нападение и «агрессию против РФ с применением обычного оружия, когда под угрозу поставлено само существование государства». Можно дополнить: «...и другие жизненно важные интересы».

Далее - указывая на агрессию с использованием обычных вооружений, забыли наших союзников. Можно было бы добавить: «В ответ на агрессию против РФ и ее союзников», тем более, что в Беларуси разместили российское ядерное оружие. Мы пишем доктрину для вероятного противника, чтобы удержать его от нежелательных действий. Корректируя доктрину, нужно помнить, что ядерный удар - это исключительная и вынужденная мера, а не помело, которым можно мести по всем углам.

ОГНЕПОКЛОННИКИ

- Противник ведет себя так нагло, что порой думаешь: нас прямо-таки провоцируют на удар тактическим ядерным оружием. Это впечатление обманчиво?

- Обманчиво. Украина и Запад, наоборот, очень этого опасаются. Иначе Украине уже давно предоставили бы ракеты большой дальности и разрешили их применять вглубь нашей территории.

Какой интерес спровоцировать нас на применение ядерного оружия? В очередной раз заклеймить Москву с трибуны ООН?

- Украинцы для Запада - расходный материал. Есть мнение, что в ответ на локальный удар на Россию много чего обрушится.

- Если бы они хотели и могли, то за два с половиной года без труда нашли бы или создали повод, как в 2003 году для вторжения в Ирак. Первое применение ядерного оружия - единственный реальный порог. Дальше откроется ящик Пандоры, пропасть. Контролировать обмен такими ударами абсолютно невозможно. Даже сдерживать эскалацию налетов обычных ракет и беспилотников становится все труднее.

- И все же призывы «бахнуть тактическим ядерным» весьма популярны. Говорят: можно выбрать пустынную местность, Запад будет бесконечно долго думать, как ответить, а то и вовсе побоится отвечать.

- Хиросимская бомба была тактическим ядерным оружием по современным стандартам. Что, если авиабомба или ракета промахнется и попадет не в какую-то изолированную цель, а в город? Или ее отклонит ракета-перехватчик? Вы разом уничтожите 50-80 тысяч человек, заразите огромную местность, вызовете сплошные пожары... В ответ НАТО планирует нанести массированный удар обычными вооружениями. Те, кто продвигают эти идеи, говорят: «А мы тогда нанесем групповой ядерный удар» (несколькими ракетами - Ред.). Ну и получим в ответ массированный ядерный залп. Потому что другая сторона решит: Рубикон уже перейден, а так будет хотя бы шанс снизить мощь ответного удара России. Именно так поступит Москва в зеркальной ситуации, что было сказано на самом высоком уровне.

И что тогда скажут эти ядерные «огнепоклонники»? Извините, ошибка вышла, мы не это имели в виду? Поздно будет. Нельзя начинать шахматную партию, зная только первый ход e2-e4, итог будет плачевный.

ЦЕПНАЯ РЕАКЦИЯ

- Я почитываю американские форумы, там обыватели пишут: да у русских все ракеты ржавые, если мы нападём, нам ничего не будет...

- Это глупости, у нас все еще огромный потенциал, хотя он был значительно сокращен за минувшие 30 лет. Наши силы планомерно обновляются, они имеют высокую живучесть на старте и в полете, даже их части достаточно, чтобы ответным ударом уничтожить всех вероятных противников поодиночке и вместе взятых.

- Последнее полноценное ядерное испытание, подземное, СССР провел в 1990 году на Новой Земле, Штаты - в 1992-м в Неваде. Сейчас на учениях используют компьютерное моделирование и носители без боеголовок. Насколько точны такие имитации?

- Естественно, всегда есть погрешность, но абсолютная разрушительная ядерная мощь настолько велика, что на результаты применения это практически никак не влияет.

- Нужно ли нам возобновить испытания, чтобы заставить Запад прийти в себя?

- Думаю, эффект будет прямо противоположный. В прошлом году Россия отозвала ратификацию Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ), но не вышла из него. Если решим выйти, чтобы снова проводить испытания, то другие ядерные государства тоже выйдут и приступят к испытаниям.

А потом и неядерные страны станут покидать Договор о нераспространении ядерного оружия и ДВЗЯИ. У них будут все основания решить, что им тоже нужно такое оружие в целях безопасности, раз ядерные державы возобновили его испытания и наращивание. Вместо девяти нынешних ядерных государств лет через 10-15 лет будем иметь двадцать или больше, в основном вблизи наших границ. Какой будет сохранность их ядерного арсенала, надежность предотвра-

щения несанкционированного использования, психология лидеров, внутренняя стабильность. Бог весть...

БОМБА НА КОЛЕНКЕ

- Сейчас ведь не так сложно собрать ядерное устройство? К вопросу о терроризме...

- Не очень сложно. Как это сделать, знают студенты физических институтов. Вопрос в том, чтобы раздобыть нужное количество высокообогащенного урана или плутония. Террористы вполне могут к ним получить доступ - особенно если пойдет распространение ядерного оружия в страны, где не будет обеспечена его достаточная сохранность. И собрать тайком бомбу из разрозненных частей, которые свезут со всего света в какой-нибудь подвал. Или доставить устройство на спортивном самолете, трейлере или прогулочном катере.

- Какая вероятность такого сценария в процентах?

- Она весьма велика. А если развалится международная система контроля - будет выше 90%.

- Идет много сообщений о том, что украинцы готовят ядерную провокацию, «грязную бомбу», чтобы потом все свалить на Россию. Не дай Бог, подобное происходит. Что дальше?

- «Грязная бомба» - это устройство не для ядерного взрыва, а для распыления радиоактивного материала обычной взрывчаткой. Что и на кого можно свалить - вопрос туманный. Но ядерным ударом на это никто не ответит. Будет проведено международное расследование, хотя опыт последних лет в этом плане весьма неоднозначен. В любом случае, провокация подобного рода - глупая затея.

ПРАВИТЬ МИРОМ?

- Пентагон стал вкладывать огромные деньги в Искусственный Интеллект. Видный американский эксперт, Леопольд Ашенбреннер, опубликовал прогноз: лидеры этой гонки будут править миром - ИИ поможет создать вооружения, которые невозможно отследить. Или, наоборот, непробиваемую ПРО...

- Таких прогнозов можно придумать вагон и маленькую тележку. Конечно, ИИ меняет военные стратегии. Но не сам по себе, а в сочетании со многими другими технологиями и системами.

Например, множественные созвездия малогабаритных дешевых спутников смогут обеспечить постоянный контроль над всей поверхностью Земли. Искусственный Интеллект нужен, чтобы выделять искомые объекты из этого огромного объема информации. Скажем, развертывание грунтово-мобильных межконтинентальных ракет - сейчас разведывательные спутники постоянно следят за их перемещением не могут.

- Речь, скорее, идет о прорывных конструктивных решениях. Прогнозируют, что к 2030 году ИИ превзойдет человеческий интеллект.

- Значит время у нас еще есть, а человеческий интеллект зачастую оставляет желать много лучшего. А вообще, последние полвека я беспрерывно слышал прогнозы: «Вот-вот появится такое, что все изменится». Большинство идей не сбылось.

- Когда появился интернет, вы думали, что у него будет такой потенциал?

- Конечно, не думал. Но он пока не создал средств для отслеживания стратегических ракетных подлодок в океанских глубинах.

БУНКЕР СУДНОГО ДНЯ

- Какой совет дадите обычным людям, которые очень боятся ядерной войны?

- Я бы сказал: «Правильно бойтесь, потому что ядерная война - это конец нашей цивилизации, без которой выжившие позавидуют мертвым». А совет только один: не верить ядерным «великим комбинаторам» и в меру своих возможностей делать все, чтобы такого не допустить.

- Вы бы построили себе бункер Судного дня?

- Ни за что.

- Почему?

- А потому что я не хочу жить после обмена ядерными ударами.

«ВЫБОР ВСЕГДА ЕСТЬ».

ПРОЕКТ «НЕПРОШЕДШЕЕ ВРЕМЯ»

8 ОКТЯБРЯ 2024

С конца 1980-х годов Россия не раз находилась на ключевых развилках. Был выбор, была возможность принципиально изменить будущее страны в лучшую сторону и избежать очередной трагедии. Другими словами, за последние 35 лет у России неоднократно была реальная альтернатива — двигаться по пути создания современного правового государства, защищающего жизнь, свободу и права человека, строить высокоэффективную современную рыночную экономику мирового класса, идти по пути мира, а не к войне.

В 1990 году мы создали Центр экономических и политических исследований («ЭПИцентр»), а в 1993 года партию «Яблоко», и на каждой исторической развилке мы активно предлагали профессиональные альтернативы для решения ключевых задач развития России. Как правило, это были экономически обоснованные проекты и детально проработанные экспертами программы, базирующиеся на знании истории, понимании состояния и особенностей нашей страны. Во всех случаях это были профессиональные разработки, ориентированные на интересы и потребности граждан, на создание эффективной экономической системы.

Буквально на каждом историческом повороте, в самые острые моменты наши эксперты и специалисты разрабатывали программные альтернативы социально-экономической политике и политическому курсу руководства страны.

Конкретные предложения по перспективному решению наиболее сложных экономических и политических, часто кризисных задач напрямую передавались власти. Разработки, как правило, вручались и разъяснялись непосредственно первым лицам государства — Борису Ельцину и Владимиру Путину. Предложения по развитию страны и построению современной эффективной экономики представлялись обществу одиннадцать раз в качестве предвыборных программ на парламентских и президентских выборах.

Сегодня мы стоим перед новой судьбоносной развилкой. Этот выбор — определяющий будущее и России, и Украины, и Европы, а, возможно, и всего мира. Речь о соглашении о прекращении огня между Россией и Украиной при посредничестве США, ЕС, а также Китая и Бразилии. Заключение такого соглашения, в первую очередь, остановит бессмысленную гибель людей и чудовищные и зачастую необратимые разрушения, а также откроет путь к переговорам о будущем. И наоборот, продолжение боевых действий еще больше усилит эскалацию и будет подталкивать все так или иначе вовлеченные стороны к расширению масштабов военного противостояния вплоть до применения оружия массового уничтожения. Если это случится, банальность «кто же мог подумать?» некому будет произнести.

—

О поворотных моментах в российской истории Григорий Явлинский рассказал в двухчасовом интервью для документального фильма «Непрошедшее время». Разговор полностью можно прочитать здесь (запись была сделана 30 января 2017 года). Мало что из этого интервью было включено в 10-серийный фильм.

Григорий Явлинский: Поэтому можно начинать с конца, вот же что получилось.

«Непрошедшее время»: На самом деле все западные телеканалы так и формулируют в основном этот вопрос, т.е. «нам 1990-е сами по себе неинтересны — нам интересно, как так получилось, что Россия вырвалась из этого тоталитарного Советского Союза и вновь в него бухнулась». Поэтому, конечно, этот фильм, не смотря на то что...

Григорий Явлинский: Еще есть маркеры не просто Путина. Вот война с Украиной, скажем, сегодняшняя, вчерашняя... без шуток, вот сейчас там большое оживление... — это маркер. Война в Сирии — это второй маркер. Это маркеры конца эпохи. Это крах постсоветской модернизации — вот суть того момента, когда мы сидим с вами в кинотеатре «Октябрь», что это отмечается этим. Просто это заслоняется мировыми событиями, это не так заметно, а в части российской истории это просто вот факт жизни.

«Непрошедшее время»: Но давайте пойдём хронологически, а к этому моменту мы вернёмся.

Григорий Явлинский: Все что хотите.

«Непрошедшее время»: Расскажите, как вы вообще попали в политику.

Григорий Явлинский: Ну, если говорить о публичной политике, если вы спрашиваете меня о публичной политике, то это было сознательное решение, которое я принял в мае 1990 года. Там был некий элемент такой неожиданности, поскольку я работал в аппарате Совета министров СССР и готовил экономическую программу. И она попала в руки Борису Николаевичу Ельцину, и он начал пользоваться ею как политическим инструментом.

И тогда мне надо было принять решение, готов ли я присоединиться к Ельцину с собственной программой или оставаться работать в союзном правительстве. И я принял решение, поскольку моя программа вызвала у Ельцина интерес, я принял решение принять его предложение и стать вице-премьером российского правительства. Вот это был мой шаг, направленный на участие в публичной политике.

«Непрошедшее время»: А давайте отступим на пару шагов назад. На излете Советского Со-

юза как вы воспринимали то, что происходит? И что вам тогда, в 1988–1989-х гг., казалось, будет происходить? А потом тогда поподробнее расскажите, пожалуйста, про программу «500 дней» и в чем она заключалась.

Григорий Явлинский: Значит, я в 1988-м и в 1989 году, работая заведующим отделом Совета министров СССР, это был такой сводный экономический отдел, в Государственной комиссии по реформе, я убеждал Николая Ивановича Рыжкова, премьер-министра, и его первого заместителя Леонида Ивановича Абалкина в 1988–1989-х гг. о том, что их главная задача — объяснить президенту СССР Михаилу Сергеевичу Горбачеву, что нет ничего важнее, чем новый союзный договор. Просто невозможно заниматься ни планом, ни бюджетом страны в условиях таких мощных центробежных тенденций. И я доказывал, что это все идет на разрыв и поэтому самым важным вопросом является вопрос обновления самого Союза, создания современной федерации, например, такой, что договор 1924 года уже не работает и вообще непригоден.

Но я не был услышан. Ответ был очень такой знаковый. В очередной раз, когда я обратился с этим вопросом, мне ответили: «Вы знаете, Михаил Сергеевич очень занят, у него поездки, пленумы, делегации, у него нет времени». И я вот помню этот момент, как я шел по коридору Кремля и думал, что все, это означает, что все, потому что если руководство не понимает главное и не может отличить всякую мишуру от того, что составляет суть дела, значит, это дело кончится очень плохо. Ну вот.

А дальше это уже был просто вопрос времени и техники. Просто события начали развиваться с такой скоростью, что потом уже это было поздно все. Поэтому я выбрал для себя ракурс моей личной работы. Я понял, что сохранить как государство это будет невозможно, но попытаться сделать большую рыночную экономику необходимо. И поэтому я выбрал для себя такой ракурс, что я буду заниматься только экономической частью, потому что, раз они не понимают смыслов, ну что здесь сделаешь...

И я начал работать вот над той программой, о которой вы меня спрашиваете. Она разрабатывалась долго, проходила целый ряд этапов.

Она обсуждалась, потом отвергалась, потом заново обсуждалась...

А потом произошел такой момент, это отдельная история, когда мне стало понятно, что программу эту нужно сделать так, чтобы это была как повестка дня чуть ли не на каждый день для тех, кто принимает решения. Потому что, может быть, они и хотят создать эффективную, современную экономику, но они понятия не имеют, как это делать.

И здесь невозможно сделать просто программу, «вот мы сделаем такие преобразования в сфере планирования, а вот эти — в материально-техническом снабжении, а вот эти...», как обычно писались программы, это все не будет работать, а нужно просто сказать: вот в этом месяце нужно принять такие-то, такие-то решения, результаты, скорее всего, будут вот такие, вот такие; если результаты будут типа А, значит, дальше надо будет действовать таким образом, если типа Б, нужно было вернуться и сделать вот это иначе. А это и потребовало впервые попытаться развернуть программу во времени.

Ну вот, собственно, так и появилась идея, что нужно ее разворачивать не в пространстве, а во времени, потому что если во времени ее разворачиваешь, то тогда людям, которые смотрят на нее, понятно, что нужно практически делать.

Вначале она была «400 дней», потом Ельцин почему-то ее назвал «500 дней», просто так... Но это было не важно. Дело было в том, что дальше было не видно. Просто видно было на 1,5 года, вот на 1,5 года было понятно, что нужно делать, притом что идея была в том, чтобы использовать управляемость, которая еще сохранялась. Вот идея была моя в том, чтобы заставить весь этот аппарат, в котором было немало квалифицированных людей, грамотных и которые видели абсолютную неэффективность уже этой системы, которая была, которая уже просто перестала работать и все, и которые могли принимать грамотные решения с учетом того, что представляла собой разваливающаяся советская экономика. Пока это сохраняется, вот предлагалось...

Кроме того, там было видно, как начинаются события, как они заканчиваются, что получается, что не получается, и принимающий ре-

шения несет ответственность за конкретные вещи, и было понятно, что будут делать через два месяца, через три месяца. Но видна была перспектива на 1,5 года примерно, потому что после этого наступало качественно новое состояние и уже что там дальше, это другая работа уже.

«Непрошедшее время»: Скажите, а в чем суть программы была и в чем она принципиально отличалась от гайдаровской?

Григорий Явлинский: Ее суть была в том, что главной экономической проблемой на тот момент был дисбаланс спроса и предложения, или, говоря простым языком, магазины были пустые. Деньги были, а магазины были пустые. За счет чего советское правительство пыталось решать этот вопрос? За счет медленного, но все же повышения цен такого то на товары роскоши, то на то, то на это, то на колбасу, то на икру, то еще на что-то... Но это бесперспективная вещь.

Поэтому моя идея заключалась в том, что а давайте мы начнем продавать средства производства, вот и... У нас нет вот этих т.н. товаров народного потребления в таких масштабах, чтобы удовлетворить платежеспособный спрос, а если мы прекратим эту глупость, что нельзя продать грузовик, что нельзя продать автобус, что нельзя продать парикмахерскую, что нельзя продать химчистку, что нельзя купить небольшой магазин, то ситуация сразу поменяется, сразу поменяется и мы начнем балансировать спрос и предложение.

Плюс к этому мы начинаем создавать средний класс. Плюс к этому мы не проводим конфискацию, люди тратят деньги, которые они накопили за всю жизнь, на какие-то полезные для них вещи. Плюс к этому мы выпускаем всю энергетику, которая уже тогда была накоплена, колоссальную энергетику предпринимательства и даем этому предпринимателю ресурсы и возможности. И это является началом, вот мы отсюда начинаем двигаться, мы постепенно приводим к соответствию платежеспособный спрос...

Конечно, будет определенная инфляция, но она будет не бог весть какая, и так мы начинаем двигаться к насыщению рынка, а самое главное — появляется собственник, появляет-

ся частная собственность, а за счет массовости появляется конкуренция... Это все постепенно начинает работать, оно все постепенно начинает работать.

А следующим шагом — это уже когда вот эти люди начинают участвовать в акционировании крупных, то, что сейчас называют голубыми фишками, лучших российских предприятий, они уже... И это похоже на... конечно, это очень далеко, но это похоже на какую-то такую народную приватизацию, когда много людей... Ну как вот крупнейшие компании в мире, там же очень много акционеров... Государство там сохраняет какой-то пакет, ну а огромную часть акций покупают люди, уже покупают, поскольку они сами являются... Ну вот, собственно говоря, это и есть начало.

Ну а там... Раз так, тогда появляется вопрос оптовой торговли, появляется вопрос биржи, появляется вопрос доступа к ресурсам... Ну то есть главный поворотный момент вот здесь и включается.

«Непрошедшее время»: То есть это переход к рынку так или иначе?

Григорий Явлинский: Это и есть.

«Непрошедшее время»: А чем это принципиально отличалось от того, что предлагал Гайдар?

Григорий Явлинский: А они сделали совсем другое. Они в один день освободили цены для государственных монополий. Просто в один день, 2 января или 3-го, я не помню, взяли и освободили цены для государственных монополий, не для частных предприятий. А государственные монополии в СССР были 100%-ми, просто же это так строилась экономика, как монополия, это же не было стечением обстоятельств.

Ну и дальше в результате этого через год, в течение года, через год уже инфляция была 2600%, т.е. это была гиперинфляция. И суть ее была в чем? Это была конфискация, просто конфискация. Вот если ваши родители жили в то время здесь, то все, что они накопили, превратилось просто в пыль, просто в пыль, ну потому что 2600% — все, значит, деньги как институт перестали существовать.

А как после этого проводить приватизацию? Нет никаких инструментов. Значит, или вау-

черы, что является лотереей и вообще какой-то чепухой, или просто раздавать друзьям. Ну так и сделали, раздали друзьям. А потом же нужно было, чтобы кто-то это охранял, и так нашли Путина и поставили его охранять все это. А он немножко поохранял, а потом решил: «А мои пацаны что, хуже?» — и решил потихонечку и своим раздавать. А потом еще цены на нефть вдруг выросли до сумасшедших уровней, появились деньги... И так сложился режим Путина, который мы сейчас имеем.

Поэтому все это создали тогда из-за того, что провели такую приватизацию, в ходе которой все, сами люди, которые получили эти активы, государство, уж какое оно было, не говоря уж о народе — все понимали, что это мошенничество, афера, потому что никаких денег не было, а иностранцев решили в страну не пускать. Ну тогда как после гиперинфляции, за счет чего? Собственно, вот мы и получили в итоге режим. Это самый короткий и, на мой взгляд, самый точный рассказ о том, что случилось. Все просто.

«Непрошедшее время»: Давайте вернемся в 1990 год на секундочку. Вот вы говорите, что вас не услышал Горбачев. А почему, вы считаете, он вас не услышал? Что у него в этот момент было в голове? Он понимал, что Советский Союз в тупике? Он понимал, что все это разрушится уже через несколько месяцев?

Григорий Явлинский: Ну, к счастью, Михаил Сергеевич жив, вы можете у него все спросить. На мой взгляд, он не очень все это понимал.

«Непрошедшее время»: Григорий Алексеевич, можно я вас попрошу перефразировать полным предложением?

Григорий Явлинский: Ну, я не был с ним знаком лично до 1990 года, до лета 1990 года, когда он заинтересовался этой программой, поэтому я могу только сказать, что его все указания были очень противоречивы и содержательно они постоянно противоречили друг другу.

Благодаря этому процесс шел очень быстро, номенклатура не успевала сосредоточиться, не знала, как защищать свои позиции, и процесс разрушения системы шел очень, просто с очень большой скоростью. Потому что она не была рассчитана на постоянные противоречи-

вые сигналы, просто она не могла так работать, а инерция того, что он генеральный секретарь и власть вся в его руках, просто парализовала всю эту, так сказать, номенклатуру, и она металась: то она делала это, то она делала то, то она делала опять другое, то еще что-то...

Ну вот и все, и вся система перестала работать. Так она и раньше не очень-то работала, а тут уж она просто вообще вошла в ступор от всех этих противоречий. И потом он еще выходил и что-то такое сообщал про обновленный социализм, отчего уже вообще у всех просто шло отключение сознания, и все.

Но на самом деле он сделал одну вещь, которая привела к этому крупнейшему историческому событию XX века: он внезапно принял решение о том, что люди могут говорить вслух то, что думают, правду не правду — это другой вопрос, но то, что думают, и за это не арестовывают, не сажают в тюрьму, не расстреливают, а даже не выгоняют с работы. Все. Поскольку система была построена на лжи с 1917 года, как только появился малейший ветер какой-то правды или того, что люди говорят то, что думают, она разрушилась, все, и у нее никаких шансов не было, просто никаких шансов не было и все. Он сделал вот этот главный шаг.

Думаю, что он не предполагал, к чему он приведет. Ну все. (Вот это смысл вашей работы, кстати.) Он просто реально, реально внезапно принял решение о том, что свобода слова появляется, и не только свобода высказываний, но и свобода после высказываний, *not only freedom of speech, but even freedom after the speech*. Вот и все, и на этом была поставлена точка.

И кстати, возвращаясь к сегодняшнему дню, если сейчас что-нибудь такое случится с телевидением, полгода — и все, полгода. Вот такая мощь.

Но в чем было абсолютное, на мой взгляд, историческое величие? В том, что это был такой удивительный пример мирного выхода из тоталитарной системы, во что никто никогда не мог поверить, что люди добровольно согласились выйти из этой системы, добровольно и относительно мирно. Ну, были там эксцессы, но в масштабе такой страны и в масштабе такого события они все-таки были... Конечно,

там погибали люди, но все же это было незначительно по сравнению с тем, что могло случиться. И это тот случай, когда свобода слова показала свою силу, когда тексты показали свою силу, когда диссиденты, которые никогда не обладали ни властью, ни боевыми дружинами, никаким оружием, ничем, а просто словом привели к эпохальной смене в масштабе всей планеты.

Ведь что случилось? Это же не просто завершение Советского Союза — это же завершение всей системы. Это же не просто 300 миллионов или 280 миллионов советских людей получили свободу, а учитывая то, что произошло в Европе, в Восточной, это, наверное, полмиллиарда людей испытали на себе эффект этот. Ну вот.

Поэтому в этом смысле понимал Горбачев или не понимал, но вот это он сделал. А то, что сделали с этим потом, — это уж не его проблема. Он открыл двери и всех выпустил на свободу. Наверное, можно было это делать как-то медленно, но думаю, что... Не знаю, кто бы это смог делать медленно; с ним бы разобрались. Именно потому, что он это делал вот так, что никто не мог понять до конца, что он делает, и он сам, все произошло.

Ну вот так сложилась история, и нельзя было в этом не участвовать, и нельзя было это не поддерживать. Поэтому я и решил, что это события такого масштаба и такой важности, что я буду в них участвовать. Но участвовать я в них могу только как экономист, потому что я не политик, и я всегда, когда позднее Михаил Сергеевич апеллировал ко мне по разным вопросам политического свойства, я ему говорил примерно так: «Вы меня по этому вопросу ничего не спрашивайте, я вот занимаюсь другим делом». Потому что я видел, что то, с чем он ко мне обращается, — это невозможно, просто невозможно и все, оно не укладывалось ни в какую вообще систему взглядов.

«Непрошедшее время»: Например?

Григорий Явлинский: Ну, у него были всегда вопросы, связанные с тем, поддержу ли я его такое решение или поддержу ли я его другое решение. Я ему говорил: «Михаил Сергеевич, я не по этой кафедре, все. Вы, пожалуйста, ко мне с этим... Я буду заниматься только экономикой». Я же тогда популярным был чело-

веком, и ему нужно было, чтобы я публично поддерживал то или иное его начинание, а это было невозможно. Ну вот.

«Непрошедшее время»: Скажите, а в 1991-м, за несколько месяцев до путча, у вас было ощущение, что что-то такое происходит?

Григорий Явлинский: Весной было, весной.

«Непрошедшее время»: Расскажите про это.

Григорий Явлинский: А просто он посылал все время, продолжал посылать противоречивые сигналы. И поскольку ситуация просто разъезжалась в разные стороны, а поддерживал он обе стороны, это уже было просто ну невыносимо, вот просто уже невозможно было вести никакой диалог, понимаете. Потому что ну невозможно: утром направо, а вечером налево, и так каждый день. Ну вот я ощущал, что это кончится как-нибудь вот нехорошо, — так оно и кончилось.

Скорее всего, он с ними разговаривал, они его так поняли, что он их как бы, если что, поддержит, если все будет... Я не знаю этого, но, возможно, так. Оно так выглядело. Поэтому, когда это случилось, первое ощущение у меня было — огромный протест против того, что натворили. Я считал, что это он натворил своей непоследовательностью и противоречивостью, потому что уже надо было как-то двигаться в какую-то сторону, в ту или в эту.

Но, может быть, в этом была какая-то особая историческая... даже не знаю что... какое-то особое историческое обстоятельство, которое позволило привести это дело к какому-то завершению. Потому что, может быть, если бы он занял однозначную позицию... думаю, что это было не сознательно, но если бы все же он занял однозначную, то это могло бы привести к серьезным таким противостояниям и последствиям. А поскольку ничего не было понятно, то туда то сюда, оно все-таки как-то происходило.

Поэтому не был совсем для меня неожиданным. Он был совсем неожиданный по составу участников, по тому, что происходило... То есть по факту происходящего, конечно, ничего я этого не представлял. (Кстати, меня и в Москве не было.) А вот по политической картинке, да, это было понятно, что такое может быть. Потому что он посылал сигналы в ту сторону.

Я же только что с ним столкнулся, когда я предложил ему экономическую программу, это же 1991 год, я работал в Гарварде и готовил экономическую программу как интеграцию России в мировую экономику, а его впервые пригласили на «семерку» в Лондон. И моя идея была, что он возьмет эту программу, предъявит ее там... О чем все его спрашивали? — «Что вы делаете собираетесь?» Об этом же был, весь разговор с ним был только об этом: «Что вы собираетесь делать?» (Сейчас есть один персонаж тоже, которого все спрашивают: «Что вы делаете собираетесь? Неужели то, что вы обещали?» — но совсем другой персонаж.) Так вот и его спрашивали все время: «Что вы собираетесь делать? Что вы собираетесь?»

Так я ему нарисовал, что нужно сказать и что нужно показать. И чтобы это как бы не было в одну сторону, я специально задумал вот этот гарвардский проект, я там работал с администрацией Буша (это старший Буш), я встречался с этим старшим Бушем лично, и работали над этой программой. И вот эту программу я в июле... в июне, в конце июня — в начале июля... я привез в Москву, с тем чтобы убедить его, что вот.

Для чего это было важно? Это уже было лето 1991 года, и уже возможности были совсем не такие, какие были весной 1990-го, когда я делал программу «500 дней», тогда нам западная помощь не нужна была, а уже летом 1991 года уже надо было бы, чтобы это было какое-то такое взаимодействие разумное, с открытием рынков и с другими всякими вещами. Ну вот.

Так вот он же это не захотел делать. Он это все поручил там Аганбегяну, Абалкину, соединить ужа и ежа, соединить, я не знаю, госплан с биржей... Все это превратилось в глупость. Я официально отказался ехать с ним в Лондон, он поехал туда с глупостью, там все это увидели... Ну и все.

«Непрошедшее время»: А где вас застал путч?

Григорий Явлинский: А я был дома. Я же родился в городе Львове, и я поехал туда отдыхать. Я был в городе Трускавце, ну рядом со Львовом. Я там пробыл сутки, я пробыл сутки, и вдруг я услышал, что происходит в Москве, и вернулся. Вернулся, я ехал на поезде, и пока

я ехал на поезде, я написал листовку с воззванием, что это все, все это...

Суть была такая, что то, что предлагало ГКЧП, — это все было абсолютно перпендикулярно всем настроениям в стране. Там дело было не в Горбачеве. Я не очень понимал, зачем его там схватили или там что, в этом я ничего... Ну, я слышал, но я не думал над этим. Я думал, что все закончится, когда... Я всегда к ним относился так, что они договорятся там. А вот к людям мое обращение было, что те, которые придумали вот этот путч, они делают что-то, что абсолютно не соответствует настроениям не только Москвы, но вообще всей страны, вообще всей страны, поэтому ничего из этого не получится, и главное, чтобы не было кровопролития, вот и все.

И я делал эту листовку и раздавал ее на перроне в разные места, людям прямо, как поезд шел по Украине... там же он 24 часа шел почти, почти сутки я ехал... и я раздавал это в вагоне, в вагоне там митинг целый был... Все же: ничего себе! — всех же это затрагивало.

Короче, в Москву я приехал уже публичным политиком 100%-но, уже там опубликовали мою листовку, уже кто-то ее передал по телеграфу с какого-то полустанка, уже это было... Я известный уже был человек, уже было все это известно, уже все-все-все.

Ну вот. Я приехал туда и пришел в Белый дом.

«Непрошедшее время»: А не страшно было тогда, что вы едете в такую консервную банку? Потому что не было же известно, чем все это закончится. Или у вас было ощущение, что все это буквально на несколько дней?

Григорий Явлинский: Да я не знаю. Это событие такого масштаба, что какое же тут страшно-то... Тут это в голову не приходит.

Конечно, я не верил в то, что танки будут штурмовать Белый дом, я в это не особо верил, но мысли об этом не было. Это просто было естественное поведение. Я же был с ними всеми знаком, я же ушел, за полгода до этого я ушел от Ельцина, я не согласился с его всеми проделками и сказал, что я не буду с ним работать. Поэтому когда я зашел к нему в кабинет во время путча, он там сидел, первый вопрос, который он мне задал, был не о том, что происходит, что вот там «вот вы пришли», он сказал:

«Теперь вы будете со мной работать?» Я сказал: «Борис Николаевич, вас сейчас больше ничего не интересует, буду ли я с вами работать? Давайте, закончится эта история, мы тогда поговорим». Потому что я был против того, что он делал, как он это все делал.

«Непрошедшее время»: А против чего конкретно, каких «проделок»?

Григорий Явлинский: Ой, ну это было совершенно невозможно. Там же никакие содержательные вопросы не решались — там была только борьба. Вот если эти говорят, что надо идти направо, то он говорит, что надо идти налево. Вот если эти говорят, что нужно повысить собираемость налогов, то он говорил «Не платите налоги!» или еще что-нибудь, что я как экономист слушать просто не мог.

Если я ему говорил, что не надо повышать закупочные цены, потому что это приведет к инфляции, он говорил: «Нет, мы повысим». Он даже ничего не говорил, он просто говорил, что «сейчас повышаются закупочные цены, повышаются пенсии». Я говорю: «Где у вас ресурсы повышать пенсии и повышать закупочные цены?» — «Мы вот должны так сделать, чтобы оторваться от Союза...» Ну это были просто вот шаги, направленные на развал всего этого дела, и участвовать в этом было неинтересно. А он принимал чисто политические решения.

Я ему говорил: «Зачем вы это делаете?» Он говорит: «Мы потом все вернем». Я говорю: «Что вы вернете? Снизите закупочные цены или пенсии уменьшите? Такого не бывает. Вы сейчас раскрутите инфляцию, будет сумасшедшее дело. Это же только тронь... Не с этого надо начинать. Давайте делать программу, о которой мы договорились, вы же ее приняли. Верховный совет ее принял, Горбачев не принял, а вы приняли — ну так давайте ее делать!» — «Нет». Нет? Ну все.

Правда, он и не мог ее особо делать, ее нужно было делать вместе с союзным правительством, потому что не было никаких инструментов. Моя-то мысль заключалась в том, чтобы сделать так, чтобы Ельцин был инструментом давления на Горбачева, чтобы эту экономическую программу начали выполнять в масштабе страны, в Украине, в Белоруссии... ну, Средняя Азия — это отдельная история, но по крайней

мере вот в этих в главных, в России, в Украине и в Белоруссии, в Казахстане частично, чтобы просто ее начали выполнять. Потому что Горбачев ничего не хотел этого делать, и номенклатура вся во главе с Николаем Ивановичем Рыжковым противостояла этому всему. Поэтому я выбрал такой ракурс, что с помощью давления со стороны Ельцина как главного реформатора мы начнем это все, а дальше экономика начнет становиться постепенно новой, качественно новой. Вот в этом был план.

А он вместо этого продолжал политическую борьбу и там захватывал госбанк, еще что-нибудь такое... Ну это ничего общего не имело ни с реформами, ни с экономикой, и с чем.

«Непрошедшее время»: Григорий Алексеевич, а вот после того, как произошел путч (мы потом, может быть, к этим трем дням вернемся с вами), был шанс, что Ельцин, поскольку ему нужно было быстро решить той осенью, что делать, куда дальше двигаться... Был шанс, что он выберет вашу программу и выберет вас, а не Гайдара?

Григорий Явлинский: Он хотел, чтобы я этим занимался, но он хотел, чтобы я занимался не так, как я считал правильным, а как ему говорили и как его убеждали, потому что за этим стояли кредиты. За моей программой кредитов не было, моя программа не была программой, которую поддерживали международные финансовые инструменты. А ему предлагали другую схему, и он понимал, что за той схемой, и так ему и говорили, стоят кредиты МВФ.

Поэтому вот из двух этих направлений он выбрал то, за чем стояли кредиты. Об этом есть в воспоминаниях Полторанина, там прямо он это рассказывает, всю эту историю, как Ельцин сам ему рассказывает, почему он не может со мной договориться.

«Непрошедшее время»: А почему за вашей программой не стояли кредиты?

Григорий Явлинский: А она была иной, нежели это предлагал МВФ и то, что называлось «Вашингтонский консенсус», она была просто другой, она начиналась с другого. Я же лучше знал экономику СССР, чем они, они ее вообще не знали. Они думали, что это такая экономика, как в Африке или где-то там в Латинской Аме-

рике, и они свои стандартные, как в учебниках, схемы навязывали, но они их еще подкрепляли кредитами.

Недавно была опубликована книга, которая называется «ГКЧП», может, вы ее видели. Ее написал генеральный прокурор, тот, кто был тогда генеральным прокурором России...

«Непрошедшее время»: Степанков?

Григорий Явлинский: Степанков. И там в начале книги приводится расшифровка перехваченной шифрограммы, которая шла из Госдепа в Москву в посольство США послу Мэтлоку. Ее КГБ перехватило, и там ее расшифровка приводится прямо в кавычках, прямо цитата. Там написано: «Вы должны (т.е. это обращение к послу) убедить Горбачева не слушать Явлинского, потому что программа Явлинского для России не подходит». И дальше идет объяснение: «Потому что Явлинский плохо понимает душу русского народа». Ну вот до такого анекдота дело доходило, понимаете.

Вот почему? Потому что у них была своя программа, они думали, что так правильно. Они не могли себе представить... Они же очень люди самоуверенные, и они не могли себе представить, что внутри России есть люди, которые так или иначе, но разбираются, что надо делать, понимаете.

«Непрошедшее время»: А когда вы говорите «они», вы имеете в виду Ельцина?

Григорий Явлинский: Нет-нет, я имею в виду тот истеблишмент, который сформировался тогда в Вашингтоне...

«Непрошедшее время»: А.

Григорий Явлинский: ...и занимался реформами в России, я имею в виду вот этих.

А Ельцин — он что... С одной стороны стоял я со своей программой, да, а с другой стороны — целый истеблишмент с кредитами. Ну понятное дело... Он и так боялся всего этого, но там хоть вроде как деньги давали, а здесь-то вообще... Вот и все, и поэтому он выбор сделал такой.

А я не согласился. Он хотел, чтобы я пришел, но делал то, что вот они хотят. Но этого делать нельзя было, потому что это привело к гиперинфляции. Ну вообще, вот вы понимаете, что тогда в мире экономист, который привел своими реформами в гиперинфляции, — это все, конченный человек? У нас же все не так. У нас

вся страна до сих пор радуется, что вот был такой экономист, который сделал здесь гиперинфляцию. А на самом деле с профессиональной точки зрения это же просто катастрофа и все, ну это просто катастрофа.

«Непрошедшее время»: А с другой стороны, они, я имею в виду Чубайса, их основное положение состоит в том, что нужно было действовать быстро, потому что заканчивалась еда, потому что нужно было кормить людей.

Григорий Явлинский: Это неправда. Никакого голода в России не было, это не соответствует действительности.

Дело в том, что после путча по просьбе Ельцина и Горбачева я стал зампредом Союзного правительства, это была моя первая... а, уже вторая... политическая должность, но это уже на союзном уровне. Был создан Комитет по оперативному управлению народным хозяйством, и я был заместителем председателя. Там был Вольский, Лужков и я. Вольский занимался военно-промышленным комплексом, Лужков занимался гуманитарной помощью, а на меня выпало все, я занимался всем: школами, дорогами, железными дорогами, снабжением городов... Все, система же перестала работать полностью, новой не было, а старая закончилась, а начинался учебный год, а детям надо было идти в школу, а были больницы, а детские сады... Ну просто безграничное количество всего.

Ну вот я думаю, что вы не найдете ни одного свидетельства, что осенью 1991 года где-нибудь был голод, или какая-нибудь катастрофа с лекарствами, или еще. Ничего такого выдающегося не было, но жизнь просто шла и все. Все было. В магазинах, да, не было, в магазинах не было, но голода никакого не было, это неправда, это неправда. Потому что сломалась система распределения, а само материальное наполнение — оно было, а если поехать на Черемушкинский рынок в Москве, то там вообще было все.

Поэтому понятное дело, что эти товарищи, или коллеги, или господа, как там хотите, они будут себя оправдывать, ну они же будут говорить что-то такое, им же что-то надо говорить. Ну вот.

А ситуация была какая? Я говорил, что делать

надо вот определенные вещи, а они говорили: «Мы будем делать что скажете». Вот поэтому кончилось тем, что они стали делать что скажете, вот оно и получилось, что скажете.

Я делал две вещи. Плюс к этой программе я, занимаясь вот этим безумным ручным управлением, занимался тем, что я делал экономический договор. Я по-прежнему считал, что нужно делать большой рынок. Я сделал положение о банковском союзе...

«Непрошедшее время»: Межреспубликанском.

Григорий Явлинский: Да, между бывшими республиками, уже ясно, что бывшими, но между бывшими республиками СССР. Я сделал 16 крупных договоров по самым разным направлениям. Я работал с представителями всех республик, для того чтобы подготовить такой договор, и он был подписан в октябре.

Я в это время был в Бангкоке, потому что я возглавлял первую советскую делегацию на сессии Международного валютного фонда и банка. А в Москве Горбачев собрал руководство всех республик и — вы не представляете, никто не представляет — 13 республик подписали, 13 из 15. Правда, прибалты подписали это как наблюдатели, а остальные просто подписали и все. Не подписала только Грузия, там был Гамсахурдия, ну он особый был гражданин, и Азербайджан не подписал, который был обижен за то, что Россия поддержала Армению в карабахском конфликте. А все остальные понимали же, что жить надо. От Украины был премьер-министр Фокин... Они все подписали и все. И это была вторая часть моей работы. Я хотел создать большой рынок, ну как Европейский союз, ну вот как-то так, похоже.

Ну вот вот это и была концепция, вот она состояла из трех вещей. Вот программа «500 дней», которая начинается с приватизации и дальше разворачивается вот так, как я вам говорил... А там самое главное было: частная собственность, конкуренция, средний класс, люди за свои деньги покупают эти маленькие магазины или автомобили, что-то начинает жить.

Второе — это как вписаться в мировое разделение труда, в мировую экономику.

А третье — это экономический договор между независимыми союзными республиками, быв-

шими союзными, но теперь независимыми государствами. Ради бога, любые флаги вешайте, любые Конституции принимайте, только давайте договоримся, что у нас будет общий характер инвестиций, примерно общая юридическая база, правовое хозяйство, примерно общие правила свободной торговли, примерно общее антимонопольное законодательство... Примерно, чтобы оно все было стыковано, состыковано. Создадим межреспубликанский, межгосударственный, пожалуйста, межгосударственный экономический комитет в Москве... Особая процедура была по банковскому союзу, как принимать решения в банковском союзе, потому что там не так просто все было. Ну и так далее. Так это была целая работа.

«Непрошедшее время»: А вот сейчас, глядя назад, вам кажется, что это была жизненная позиция? Потому что вы, судя по всему, были где-то между, с одной стороны, коммунистами и «красными директорами», а с другой — демократами, которые говорили, что нужно галопом создавать рынок.

Григорий Явлинский: Нет, как? Сейчас только этим и занимаются, только этим и занимаются все, только ищут, вот создают этот, Евроазиатский вот этот вот экономический союз и т.д. Ну это же требование рынка, это же объективная вещь, это все заинтересованы в этом. А насколько она была реалистична? Это надо было делать. Вот если бы шаг за шагом это делать...

Кроме того, я вам должен сказать, что переговоры ведь шли очень особым образом. Например, представители Германии, которые были на переговорах «семерки», они в кулуарах прямо мне говорили, что не надо слушать американцев, не надо слушать вот то, что они говорят, надо действовать по-другому. И это были не просто какие-то люди, этот человек после этого стал президентом Германии, кстати говоря. Я нечасто об этом рассказываю, но это... Это Хорст Келер. Он был главой МВФ потом, а потом стал президентом Германии. Сейчас он уже ушел из политики, вот поэтому я... Он прямо мне говорил. Я ему говорил: «Ну а почему вы не скажете это во время...?» — «А это, — говорит, — Большой Брат, это нельзя».

Потом я понял, что именно это мне говорили

и японцы, но японцы говорят все так, что понять это слабому уму невозможно. Это приходят пять человек, кланяются, и все время что-то вам говорится. Что они говорят, очень сложно... А они, оказывается, говорили все то же самое, они говорили: «Будьте с этим осторожны, не делайте вот этого, не делайте вот этого, потому что это не надо делать, а надо делать по-другому».

А американцы действовали как обычно, как бульдозер, вот нажимали на своих этих... Хотя они не понимали, что они предлагают, кому... Они не понимали объекта. Поэтому первым, кто сбежал из всей этой истории, был Джеффри Сакс, который сказал: «Все, я больше в этом не...» Потому что он первый понял, что это вообще все идет не туда, просто создается криминальная экономика и криминальное государство, что и получилось в итоге.

«Непрошедшее время»: А как вы восприняли Беловежское соглашение?

Григорий Явлинский: Ну как... Ну это же был конец экономического договора, поэтому для меня это было ничего неприятного. Только что же его подписали...

Вот, кстати говоря, совсем недавно была попытка провести торжественное заседание в день первого заседания гайдаровского правительства. Это, по-моему, было 15 декабря, что ли... И в этот день арестовали Улюкаева. Это очень такое символическое совпадение, поэтому всем стало уже не до праздника.

Но это я к чему говорю? К тому, что они прислали приглашение и разослали протокол, который был для служебного пользования всегда, но они разослали протокол первого заседания первого гайдаровского правительства. И там были поручения относительно позиции Российской Федерации по экономическому договору, и было ясно, что все, это... Там было это завуалировано, потому что он был популярен, люди-то понимали, что это полезно и что это правильно, и директора понимали, и хозяйственники понимали... Ну потому что разрывать связи-то — это же куда ведет? Это и привело потом к такому обвалу и спаду.

Но это была такая позиция, что Россия пойдет одна, как мне Ельцин сказал. Он же меня спрашивал: «Вы будете со мной работать?» Я го-

ворил: «Объясните мне, что вы собираетесь делать с освобождением цен в один день и для кого это будет освобождение. Вы представляете, какая будет инфляция? Это первое. И второе: будет ли экономический договор, будет ли сохраняться свободная торговля и кооперационные связи хотя бы на какое-то время?» Он сказал: «Нет, будем все делать в один день, и Россия пойдет одна». Ну, я сказал: «Тогда, Борис Николаевич, это без меня». Вот.

«Непрошедшее время»: А как вы себя воспринимали тогда, в 1992 году? Вы же считали себя демократом и при этом были в оппозиции условным демократам.

Григорий Явлинский: Я не считал себя никаким демократом — я считал себя человеком, который хочет решить исключительной сложности и важности и даже опасности задачу, перейти от административно-командной плановой экономики к свободной рыночной, вот это я решал только эту задачу. Я никогда себя не записывал ни в какие, ничего. И я видел, что люди делают глупость, просто глупость и безобразие они делают.

И уже в мае 1992 года я написал работу, она называлась «Диагноз», и в этой работе было все сказано, куда все это идет. И после этого я уехал к Немцову в Нижний, и я решил, что лучше я там буду что-то делать, в Нижнем, чтобы заниматься чем-то полезным.

И тогда появилась следующая часть моей экономической концепции, региональный аспект. Вот у меня был макроэкономический аспект, это «500 дней», потом «Согласие на шанс», это было место России в мировой экономике, потом был экономический договор между бывшими союзными республиками, и четвертая, последняя часть, это были «Реформы снизу», т.е. реформы из регионов. Вот это была концепция преобразования, все вместе. Поэтому вообще-то план был, как все это... Он был не заранее, он вытекал из того, что происходило, но все-таки он был.

«Непрошедшее время»: И вы никаких должностей в этот момент не занимали?

Григорий Явлинский: Нет-нет, я просто работал с Борисом в Нижнем Новгороде как его помощник, советник. А я принципиально не занимал должностей, потому что я не был со-

гласен с этим политическим курсом.

«Непрошедшее время»: И это как-то подтолкнуло вас к политике?

Григорий Явлинский: Нет, ну потом же это все превратилось в 1993 год...

«Непрошедшее время»: Григорий Алексеевич, расскажите, пожалуйста, про противостояние между Верховным советом и президентом в это время.

Григорий Явлинский: Ну это было просто абсолютное безобразие все, просто абсолютное. Ну вы представляете себе, у советского человека растут цены в 200 раз, ну ясное дело, он спрашивает: «Борис Николаевич, это что такое?» А Борис Николаевич спрашивает: «Егор Тимурович, это что такое?» А Егор Тимурович говорит: «А это антиреформаторские силы, они против реформ».

И Борис Николаевич говорил: «Вы против реформ!» Они говорят: «Блин, ну почему мы против реформ? Мы не против реформ, просто как жить, вы можете объяснить это?» Он: «Как им объяснить?» Он говорит: «Скажите им, что они красные, красно-коричневые, они против реформ! Вот все, кто спрашивают, почему выросли цены в 200 раз, — они против реформ!» Ельцин это повторял, ну и это привело вот к тому, к чему привело.

«Непрошедшее время»: А они на самом деле не были против реформ?

Григорий Явлинский: Да они ничего... Ну что? Вы можете себе представить свою семью, когда цены выросли в 200 раз, а работы нет? При чем здесь...? Тут вообще речь... Ну при чем тут, за реформы и против реформ — жить как? Люди спрашивают: «Как мы жить будем?», «Когда это кончится?», «Что будет?» Ну разве это не справедливые были вопросы? Это мгновенно же все... Там же еще коммунисты приняли участие в этом, националисты, там что хочешь. Там же это же все закипело... Ну и вот.

«Непрошедшее время»: То есть вы в этот момент поддерживали Верховный совет?

Григорий Явлинский: Нет, я не поддерживал Верховный совет, потому что Верховный совет не имел никакой программы, он был просто против этого всего. Но я понимал, что это такое. Я считал, я лично считал, что Ельцин обязан вести диалог, что он обязан каждый

день выступать по телевизору, объяснять, что происходит, заниматься «политической анестезией», если хотите, вот что я считал.

Я считал, что... кто уже тогда был, Силаев... нет, не Силаев... Черномырдин уже был, наверное, Гайдара-то уже сняли... должен кто-то все время что-то объяснять, кто-то должен все время объяснять, кто-то должен не вылезать из телевизора и объяснять, и говорить, кстати, что с этим делать, и предпринимать всякие политические жесты, для того чтобы люди видели, что есть контакт. А если просто говорить «это все антиреформаторские силы», ну так понятное дело... Руцкой от него сбежал...

«Непрошедшее время»: Контакт же не получался, они блокировали практически все президентские решения.

Григорий Явлинский: Какие, какие решения?

«Непрошедшее время»: Ну и вообще была ситуация какого-то двоевластия, да?

Григорий Явлинский: Ну они там собрались все в Белом доме и говорили: «А вот мы против этого всего», а Ельцин говорил: «А я за это все». Ну и все, вот и весь был контакт. Ну и все. Ну это, естественно, привело к чему? К тому, к чему привело.

Поддерживать Верховный совет было невозможно, он же был абсурдный. Я пришел в Верховный совет за день до штурма или за два дня до штурма, пришел к Руцкому и говорю ему: «Александр Владимирович, вы что тут делаете? Прекратите это все! Вы зачем призываете Вооруженные силы, то-се? Идите на выборы, Ельцин же вот объявляет выборы. Вот идите на выборы, вы получите очень хороший результат, и это все кончится миром, будет создан новый парламент, и там, в парламенте, уже будем решать, как жить дальше».

А он мне говорит: «Я собой не распоряжаюсь». Я говорю: «То есть как?» А он объясняет мне: «Тут такой состав в Белом доме... Тут же есть много людей с оружием, поэтому я уже не вполне собой распоряжаюсь». И все. И я оттуда ушел, вот как и в тот раз, с пониманием, что дело кончится очень плохо.

А там собрались, действительно, там собрались люди с оружием реально, всякие из Приднестровья, оттуда, отсюда... И там уже была та-

кая публика, Макашов... Там уже была такая публика, что с этим никак нельзя было ассоциировать себя. Ну вот, собственно, и все.

Они же когда оттуда вышли, они первым делом штурмовали здание мэрии, а там именно у меня был офис, кстати говоря. Они чуть не поубивали моих товарищей, кстати, случайно, просто случайно, просто случайно не поубивали там. Разгромили там все, у меня там... Было совершенно понятно.

Но моя позиция заключалась в том, что до этого дело довели, что поддерживать их невозможно. И я выступил тогда. Ну, как всегда на нашем телевидении, отрезали (уже тогда) только то, что было им интересно... Я, кстати, записывал это в офисе одной из американских студий в центре города, а потом это передали на...

«Непрошедшее время»: ...РТР.

Григорий Явлинский: На РТР, да. Ну так они отрезали. Я сказал, что мы потом разберемся, вот сейчас, говорю, надо поддержать президента, а потом мы разберемся, кто довел до этого дела. Так вот эту часть, что «мы потом разберемся, кто довел», они отрезали, и осталось только, что «надо поддержать президента». Я его и поддерживал.

«Непрошедшее время»: Расскажите поподробнее, как вы приняли решение, что надо выступить, и что вы тогда сказали.

Григорий Явлинский: Это просто начиналась гражданская война. Гражданскую войну нужно было пресечь, вот и все. Я и сказал, что начинается гражданская война, это допустить невозможно, я призываю всех поддержать президента и пресечь вооруженное противостояние всеми доступными способами, просто пресечь, иначе будет гражданская война в стране. А кто несет ответственность за то, что дело довели до гражданской войны, это другой вопрос и мы разберемся, и они ответят за это, но сегодня нужно всеми доступными способами прекратить начало гражданской войны. Вот такая была моя позиция.

«Непрошедшее время»: Но это все равно была пропрезидентская речь, по крайней мере так была воспринята, что надо не просто...

Григорий Явлинский: Да, она так и была воспринята, и правильно.

«Непрошедшее время»: ...пресечь против-

стояние, но и поддержать президента.

Григорий Явлинский: Ну да. Так а как пресечь противостояние? Никак больше невозможно. Но будущее-то было там, это же было, в общем, понятно, что будущее было...

Однако я считал чрезвычайно важным провести потом парламентское расследование, и тогда у меня возникла формула «доведение до братоубийства». Вот есть в Уголовном кодексе статья «Доведение до самоубийства», правда? Это, наверное, во всех странах есть такое, и это уголовное наказание. Так вот в политике должна быть статья «Доведение до братоубийства», когда вы ведете такую политику, которая кончается... Когда у вас спрашивают: «Почему цены выросли в 200 раз?», вы говорите: «Вы просто антиреформаторские силы, вы какие-то красно-коричневые», — вот когда вы так себя ведете месяцами или годами, вот так разговариваете с людьми, ничего не желаете объяснять, а просто обзываете их, то это доведение до братоубийства, вот это плохо кончается.

И с учетом этого я считал необходимым провести парламентское расследование, чтобы больше никогда ничего подобного не повторялось. Потому что я был во время вооруженного противостояния на стороне Ельцина, но считал, что Ельцин несет ответственность за то, что это вооруженное противостояние возникло. Да, это такая вот тяжелая позиция, и не все мои товарищи поняли меня, и до сих пор есть упреки, но для меня тогда важнейшим вопросом было сохранение государственности и любой ценой недопущение гражданской войны.

А Белый дом развязывал гражданскую войну: они же оттуда выскочили с оружием, напали на телецентр, напали на мэрию, они же это сделали... А это известная вещь, кто первый начал... Вот кто первый начал, тот и несет ответственность. Они первыми начали, а раз они первыми начали, значит, это надо было пресекать. Ну вот, собственно, в этом и была моя позиция, хотя перед этим я искал способы, чтобы... Я же уговаривал их выйти, пойти на выборы, а они — нет, они решили силой, штурмом. Ну, штурмом — значит, вот, вот вам ответ.

«Непрошедшее время»: А как вы отнеслись к выступлению Гайдара?

Григорий Явлинский: Это очень большая

опасность была. Он же позвал безоружных людей в то время, когда...

«Непрошедшее время»: А можно я вас попрошу с начала предложение начать? «Гайдар позвал...» Просто начать этот рассказ с начала.

Григорий Явлинский: То, что был призыв Гайдара выйти на улицы, — это была очень опасная вещь, потому что на улицу вышли безоружные люди, а с той стороны люди были с оружием. И кстати говоря, снайперы были, и много людей, особенно юных людей, которые после этого призыва выбежали просто на улицы, погибли. Я не знаю сколько, но правозащитники знают, там были большие... ну я не знаю, десятки или сотни, но жертвы. Именно из-за того, что призывали выходить на улицу безоружных людей в то время, когда шла война.

Вот я, например, на подъезде к РТР, на... как она называется... Ямское поле, да, там, где... на «Динамо», там, где РТР находится, — так я там полчаса лежал на земле под обстрелом, потому что атаковали, атаковали... С моим товарищем лежали на земле под обстрелом, реально стреляли, потому что хотели штурмовать телецентр, и не только останкинский, но и этот. Ну и в этом смысле я считал, что это безответственно, защищать свои реформы таким способом, сначала довести до этого, а потом сказать: «А теперь выйдите и меня защитите, пожалуйста». Это мне было не по душе.

«Непрошедшее время»: А президентская сторона не воспринимала вас тогда как предателя? Потому что вы все-таки воспринимались как либерал, демократ, близкий по духу. Или это не совсем так?

Григорий Явлинский: Слушайте, я не знаю, как они меня воспринимали. Они со мной всегда... Они сначала хотели, чтобы я был с ними, всегда хотели, а если я не с ними, то они делали все, чтобы меня маргинализировать и выбросить из политики. Ну вот и все. Но просто события, история показали, кто был прав, тут же дело не в этом.

Просто они по-большевистски вели реформы, просто как большевики. Они и были большевиками. Когда я им говорил: «Что вы делаете? Разве можно так создавать институт частной собственности, когда вся собственно получена мошенническим способом (как во время зало-

говых аукционов)?», они говорили: «А разве вы не знаете, что первоначальное накопление капитала всегда преступно?» Property is a theft, говорил Прудон. Ну так это Прудон говорил и Маркс это развивал. Вы что, марксисты? Это ж когда было-то? Почему опять это нужно так делать? Вы опять хотите революцию потом? Вот эти все рассуждения Прудона, а потом Маркс и его теория — они привели к чему? Сами же знаете. Зачем опять-то?

У них ответа не было, а делали они именно так и говорили, что вот лучше, как говорил этот гражданин, построить бандитский капитализм, чем еще что-то... «Да, я строю бандитский капитализм». Не надо строить бандитский капитализм, не надо, надо по-нормальному. И потом это же привело к колоссальному расслоению. Вот по последним исследованиям Мирового банка, там люди живут, многие люди живут не лучше, чем до всех этих реформ, до сих пор, что даже для меня было удивительным, из-за того, как были проведены реформы. И в Восточной Европе тоже, кстати, частично, не только в России.

Ну вот. Ну мало ли, там что они считали... Ну вот они как-то там свое что-то там считали... Я же разговаривал с Гайдаром накануне всех событий, я ему сказал: «Ты не думаешь, что ты будешь делать авантюру? Просто это авантюра, в один день освободить контроль за всеми монополиями. Ну ты представь себе, на десять областей один молочный завод — ну как люди будут сдавать туда продукцию? Им же будут демпинг устраивать, у них все пропадет, а продавать будут по другой... Ну как это все будет? Он же один, этот завод! Ты же отдаешь его красным директорам, они будут диктовать всю политику. Это все вместе будет авантюра». И он мне сказал: «Ну и что?» Ну, после того, что «ну и что?», так тут что... Больше обсуждать нечего. Ну и все.

«Непрошедшее время»: Хотите, перерыв сделаем?

Григорий Явлинский: Нет.

Интервьюер: Расскажите тогда про «Яблоко». То есть после этого вас...

Григорий Явлинский: Вот. После этого, вот когда 1993 год произошел, вот я понял, что разговаривать с кем-то о том, как проводить ре-

формы, бессмысленно, а нужно создавать собственную политическую силу. Вот так и начало появляться «Яблоко».

Я сомневался, надо ли это делать, но вот Виктор Леонидович, который только что у вас был, он меня уговорил, вот он приехал ко мне и уговорил меня, чтобы я начал этим заниматься.

Я не собирался заниматься политикой как таковой, я занимался экономикой, правда, по-настоящему. Но я понял, что с ними бессмысленно разговаривать про экономику, они этим не интересуются; у них свои какие-то политические задачи, которые вредят этому всему. Поэтому пришлось создавать собственную политическую силу, так получилось «Яблоко».

«Непрошедшее время»: И вы пошли на выборы.

Григорий Явлинский: И мы пошли на выборы и создали фракцию. Нас хотели снять с выборов, потому что мы не поддерживали Конституцию. Мы считали, что Конституция не обсуждается и что это липа, референдум за Конституцию, и это была липа. Потом уничтожили все бюллетени... Это была липа. Ну вот мы возвращались опять в мир лжи, вранья и всего такого.

«Непрошедшее время»: А у вас тогда уже были президентские амбиции? Были мысли, что вот «я иду в политику, потому что я хочу пойти до конца»?

Григорий Явлинский: Ну...

Значит, дело было такое. Весной 1993 года я почти абсолютно чувствовал, что будет какая-то беда. Ну я просто видел, как они ведут себя, те и другие, и куда это ведет. И вот я размышлял так: ну вот хорошо, вот будет стычка — и дальше что? Вот кто будет после этого? И вот тогда появились первые мысли, что надо себя заявлять. Ну а что делать? И я, кстати, тогда первый раз публично об этом сказал, и об этом тогда, весной 1993 года, об этом написали в газете «Известия». Это был первый...

Меня спросили ваши коллеги-журналисты, они умеют так спрашивать, я не собирался это говорить, но меня так спросили, что я сказал: «Да, я тогда возьму это все на себя». Вот все. И так оно и получилось, и осенью этот вопрос встал. Ну вот с тех пор эта тема существует, и в 1996-м я уже принимал участие в выборах.

«Непрошедшее время»: Расскажите, пожа-

луйста, про 1996 год. Как вы сейчас воспринимаете эти выборы 1996 года?

Григорий Явлинский: Они были очень важные. Это был серьезный, такой поворотный момент. Мне тогда надо было добиться... опять же все то же самое... мне надо было добиться, изменить экономическую политику серьезно, потому что я видел, куда эта экономическая политика ведет. Она ведет, во-первых, к продолжению экономического спада, и уже тогда просматривался кризис долгов 1998 года, он уже тогда просматривался. И во-вторых, эта экономическая политика ведет к созданию корпоративно-... ну, честно говоря, даже не корпоративно-, а такого корпоративно-криминального государства, когда законы не действуют, когда ничего не имеет значения, когда всем управляют кланы, группы, мафия... Вот.

«Непрошедшее время»: А у вас было ощущение в 1996 году, что выбор стоит именно между коммунистами и Ельциным и нужно...?

Григорий Явлинский: Нет, это неправда, это...

«Непрошедшее время»: Расскажите вот про это.

Григорий Явлинский: Это не соответствует действительности. У Зюганова не было никаких шансов, он не мог быть избран, это было точно понятно.

Значит, задача была в другом. Задача была в том, чтобы добиться от Ельцина изменения экономического курса, того, чтобы увести от корпоративно-криминального государства на базе мошеннически розданной собственности, сделать разворот, это была первая задача. Вторая задача — прекращать войну на Кавказе. Вот это были две главные задачи.

Но как их можно добиться было? Я считал, что если я займу третье место, то перед вторым туром Ельцин попросит меня о поддержке; я его поддержу в обмен на изменение экономической политики и изменение политики на Кавказе, и все, и мы начнем работать. Вот была моя логика, вот весь план был.

Ну так они раскрутили Лебеда и он стал третьим, и Ельцин забрал его к себе, потом выгнал, и все оставили по-прежнему, вот в чем дело. Я пришел четвертый, а Лебедь пришел третьим, потому что Лебедь раскручивал Чубайс и Березовский, а они его раскручивали, для того что-

бы сохранить ту политику, которую проводил Ельцин, сохранить во всех своих проявлениях. Вот в чем был смысл.

«Непрошедшее время»: Я так понимаю, Ельцин вас звал на пост вице-премьера?

Григорий Явлинский: Да. Но он хотел, чтобы я в этом принимал участие, вот и все, чтобы я был вместе с ним ширмой для всего того, что они делают. Ну какой нормальный человек на это согласится? Вот и все.

Я же ему это и говорил. Я говорю: «Борис Николаевич, если вы хотите, чтобы я работал в правительстве, пожалуйста, давайте, но тогда мы с вами решаем одну проблему: мы увольняем коррупционеров (которых он потом разогнал), мы заканчиваем тему Коржакова, мы меняем экономический курс». — «Нет, — он говорит, — это я не могу». Я говорю: «Почему вы это не можете?» — «Они мои друзья». — «Ну, тогда они ваши друзья, а я вот не ваши друзья», — и все. Там был тяжелый разговор... он был не один, их было несколько... он был очень тяжелый, давление было очень такое... Ну все-таки это был Ельцин.

«Непрошедшее время»: И чем это закончилось, когда вы в результате отказались?

Григорий Явлинский: Когда я отказался окончательно?

«Непрошедшее время»: Насколько я понимаю, вас звали на пост вице-премьера, а вы были готовы только премьером.

Григорий Явлинский: Да, потому что я хотел изменить курс, а не просто занять должность. Я уже бывал вице-премьером, для чего мне? Я курс хотел изменить, я другую политику хотел сделать! Я для этого участвовал в этом.

«Непрошедшее время»: А на том этапе курса вы в какую сторону хотели менять? Мы ведь уже проехали весь этот переходный...

Григорий Явлинский: Нет-нет, ничего, еще мы ничего не проехали. Во-первых, там были большие задачи, там еще шли залоговые аукционы, еще они не оформлены были до конца, там надо было разбираться с этим, во-первых.

Во-вторых, нужно было прекращать это безобразия с ГКО, которые обладали какой-то совершенно фантастической доходностью, что вело к кризису долгов, который и случился через 2 года, в 1998 году.

Кроме того, нужно было плавно менять курс рубля, плавно менять курс. Он же был... Там в одну ночь он из 5 рублей за доллар стал 25, в 5 раз упал, ну это же разорение, а там надо было по чуть-чуть двигаться. Ну и так далее. Там было много реальных технических задач, которые нужно было делать.

Кроме того, нужно было вернуться к целому ряду кооперативных связей. Не умерла еще идея валютного союза, потому что ничего у наших соседей с деньгами не особо получалось, с валютным регулированием...

Короче, там много нужно было. Как потом, совсем недавно написали реформаторы, они задались вопросом: «Почему мы не поддержали Явлинского?» И ответили, что «мы точно не помним, почему мы не поддержали Явлинского, но одно мы знаем, что если был бы Явлинский, то нас бы не было». Вот это правда. Я бы их отправил отдыхать, читать лекции, заниматься бизнесом, и мы бы развернули экономическую политику в другую сторону. И мы ушли бы от предпосылок создания корпоративного государства, вот в чем была задача-то, корпоративного криминального государства, когда в фундаменте лежит нелегитимная частная собственность, и она как раковая опухоль меняет всю структуру всей жизни, всей экономики. Ну вот.

«Непрошедшее время»: Ситуация, как ее описывает, например, тот же Чубайс, это: у Ельцина был нулевой рейтинг, Зюганов был самым сильным оппонентом, и, в общем, был шанс, что придут коммунисты, растерзают всех на куски, перевешают на столбах и мы пойдем назад в СССР. У вас не было такого ощущения?

Григорий Явлинский: Нет. Я точно знал, что никого Зюганов не победит. Страна не хотела возвращаться в советское, не хотела возвращаться к коммунизму, и он не мог победить, это невозможно было.

«Непрошедшее время»: Но цифры были за Зюганова в тот момент?

Григорий Явлинский: Да, цифры были за Зюганова. Ну и что? Это были опросы. Ну и о чем говорили эти опросы? Ну у Зюганова, там я не помню, какие были цифры... У меня были довольно большие цифры, гораздо больше, чем у Ельцина, ну и что?

Понимаете, есть ощущение истории и есть

ощущение своей страны. Ну как, вот ощущение всего того, что тебе дорого, и того, что тебе родное, ты понимаешь, чем оно живет. И тогда было абсолютное ощущение, что несмотря... Вот как люди чувствовали то, что происходило? Люди чувствовали так, что в целом страна идет в правильном направлении, но по этому пути, на этом пути она совершает огромное количество преступлений и ошибок, вернее, я бы так сказал, огромное количество ошибок, иногда превращающихся в неосознательные преступления. Но общее направление идет правильно, потому что это возвращение в мир, это переход в то качество, которое должно быть в современном мире. И люди готовы были терпеть, и они терпели это, и это было общее настроение, вот общее было настроение.

Поэтому я это чувствовал и я понимал, что это все прием, вот это вот пугание Зюгановым, не дай бог вот этого все... Вот эта вся кампания — это был прием такой, грамотный, в общем, с точки зрения пиар-кампании: вот они нашли врага, раскрутили этого врага, всех запугали этим врагом, ну и, собственно, вот. Но это было очень далеко от реальности, очень далеко от реальности. Зюганов не мог прийти к власти, это было невозможно. Все бы поддержали Ельцина, и я бы... Я его собирался... Я же, собственно, все это делал для того, чтобы его поддерживать.

Никто Зюганова бы не поддержал, нет. Зюганов проигрывал. Коммунисты... Тогда же было ощущение, что это коммунисты привели Советский Союз к развалу, что чистая правда, и люди им это не собирались прощать. И потом, люди хотели двигаться вперед, они хотели двигаться в будущее, а Зюганов ничего этого не предлагал. И поэтому это была химера, ну такая, нечестная, но, в общем, было специально так все устроено, для того чтобы показать это.

Кроме того, я же знал, что Ельцин болен, и я знал, что нужно как-то по-другому решать эту задачу. Я был в этом абсолютно уверен, и сколько они мне ни говорили... Они меня действительно этим пугали, они весь мир этим пугали. Но я-то видел, что это не так, что он победить не может, он не может получить больше половины голосов, это невозможно, и даже не может получить больше Ельцина, несмотря на то что происходило, потому что у людей было

желание и вера, чтобы страна стала другой, современной. Еще это был потенциал конца 1990-х очень большой. Ну вот такая была моя точка зрения, и я думаю, что я не ошибся.

«Непрошедшее время»: Расскажите немного про то, что происходило после выборов, про второй срок Ельцина.

Григорий Явлинский: Ну как? Вот он победил и потом болел долго, а все продолжалось по-прежнему, ничего же не изменилось, и закончилось 1998 годом, а потом 1999-м, появлением Путина, вот вам и все.

«Непрошедшее время»: Давайте поговорим про 1998-1999-е гг. немножко. Была вот эта чехарда премьер-министров, когда премьер-министры постоянно менялись: с Черномырдина на Кириенко, с Кириенко на Примакова... Это был уже поиск преемника или...?

Григорий Явлинский: Нет, это просто надоел ему Черномырдин и хотел он как-то обновить это все, но точно не знал как и придумал Кириенко. Ну и все, ему дали. Ну, что молодой, там типа реформатор... Была очень забавная история. Но это было несерьезно все. Ну и потом это несколько месяцев, а потом все это рухнуло и все. Вот тогда было круто, когда все это рухнуло, потому что тогда опять же...

Опять же, как они сделали? Они сделали невероятную с точки зрения экономики вещь: они одновременно провели дефолт и девальвацию. Я думаю, что такого примера в мире больше не существует, потому что либо девальвация, и это решение проблемы долгов, либо дефолт, и это тоже может быть решением проблемы, но вот вместе это можно сделать только для того, чтобы тысяча человек разбогатели в десятки раз, а десятки миллионов стали нищими окончательно. Так они и сделали, вот и все, все. Это было сделано таким способом, что вот несколько сотен или тысяча человек очень обогатились на этом, потому что они не отдавали долги.

«Непрошедшее время»: А простыми словами объясните, пожалуйста, что такое дефолт и что такое девальвация.

Григорий Явлинский: Дефолт — это когда государство принимает решение, что все компании не рассчитываются по долгам, имеют право не рассчитываться по долгам и откладывают их на далекое будущее, т.е. могут не выполнять

свои долговые обязательства. Государство говорит: «Я не могу, и частные компании тоже — мы все не можем возвращать долги, все, что хотите, то и делайте». Это очень мило.

А девальвация — это когда в один день, вчера 1 доллар был 5 рублей, а сегодня 25 рублей, вот и все. То есть все, что вы имеете, в 5 раз вы становитесь беднее, т.е. это разрушаются целые кластеры бизнеса. Вот те, кто жили на иностранных долгах, те богатеют, потому что они не отдают долги, а те, кто живут повседневным бизнесом, повседневным предпринимательством, они разоряются. Ну вот такую опять сделали штуку, в который раз уже. Ну вот это все пути.

А потом это все надо было заслонить, вот и потом придумали Вторую чеченскую войну и начали ее с того, что пришел Путин премьер-министром, стали взрываться дома, ну и все пошло-поехало.

«Непрошедшее время»: Расскажите про это поподробнее. Для вас выбор Путина был неожиданным?

Григорий Явлинский: Ну, его никто не знал, Путина, потому что он был заместителем начальника хозяйственного управления Кремля, ну что, и когда-то был помощником Собчака. Ну, я так его видел там, у Собчака, пару раз, но я его не помнил.

Ну конечно, неожиданным. Ну... Но это было, Ельцин часто принимал неожиданные решения, вот это было одно из них.

«Непрошедшее время»: Я понимаю, что эта история уже миллион раз проговорена, но нам для фильма важно, чтобы вы своими словами рассказали об этом.

Григорий Явлинский: Про что?

«Непрошедшее время»: Пришел новый премьер-министр.

Григорий Явлинский: Тогда все, что было связано с приходом нового премьер-министра, было полностью связано с войной, и все. Это было просто начало Второй чеченской войны. Тогда прозвучала тема, вот эта известная тема «мочить в сортире»... Ну и тогда Чубайс придумал вот эту конструкцию «Кириенко — в Думу, Путина — в президенты», они получили на этом около 8%, ну и все. И он как бы шел к власти как человек, которого поддерживают либералы и демократы всей душой. Я был единственный, кто

был против этого всего. Все.

«Непрошедшее время»: Почему?

Григорий Явлинский: Ну потому что мне было ясно, кто и что. Я же видел, у меня же глаза-то были открыты... Как премьер-министр ладно, пускай... Я, правда, не понимал, что он будет делать как экономический премьер-министр, но это другое дело. Но как президент... Это было ясно, что это неприемлемо и все. Я же поэтому и выдвинулся в 2000 году опять. Я просто говорил...

Меня спрашивали: «Вот никто не понимает, кто такой Путин, а вы понимаете». Я говорю: «А вы посмотрите, что он сделал в Думе». Я же видел, как он вел выборы в 1999 году, уже будучи премьер-министром, насколько это выборы были нечестные. Да, предыдущие-то были в 1995-м, эти были в 1999-м, и была большая разница, и я видел, как это происходит. И я видел, что он вытворял с тем же Лужковым, Примаковым, с ними, хотя я их не поддерживал категорически... Ну просто я видел, как это все. Потом я видел этот тост за Сталина, с которого я ушел...

Все же было ясно. Это только лукавые люди говорили, что «мы ничего не знаем, who is Mr. Putin?», — да ясно там, who is Mr. Putin, все было понятно, who is Mr. Putin. Вот, собственно, и все.

«Непрошедшее время»: Вы говорите, его приход был связан с войной, стали взрываться дома. Вы имеете в виду, что эта война была развязана как часть избирательной кампании, или что?

Григорий Явлинский: Ну, я не знаю здесь подробностей, но я не исключаю, что да, такое могло быть. Она задумывалась давно. Это был реванш, реванш за соглашение 1996 года, на которое пошел Ельцин, чтобы заканчивать войну. Вот то, что я хотел тогда делать, только по-другому. Вот это был реванш такой, и он затевался заранее. Уж я не знаю, как там эта история была с домами, есть разные версии, но понятно было, что это какая-то такая вещь очень, очень очень нехорошая.

Но я много это все обсуждал с Путиным тогда. И я же в парламенте, когда утверждали премьер-министра, моя фракция, треть фракции проголосовала за то, чтобы его утвердили, я лично голосовал за, и я объяснил фрак-

ции почему — потому что за год до этого, когда я сделал заявление о том, что в правительстве Примакова, которое было создано в т.ч. с моей легкой руки в значительной степени, коррупция... а он туда набрал Кулика, Маслюкова, Геращенко, ужасно... и там была коррупция, и я об этом сказал публично. И тогда Евгений Максимович очень обиделся, позвал Путина к себе и велел ему вести за мной слежку. А Путин поехал в Кремль и сказал, что вот ему Примаков велел вести слежку за Явлинским, а он отказался.

Я это потом узнал, и я фракции сказал, что это уникальный случай, вот в этой связи, вот за это я считаю возможным, чтобы показать, что мы такие вещи ценим, вот... И поэтому при утверждении на премьера вот за то, что он такой поступок сделал, что он отказался вести слежку за мной и моей семьей... хотя ее вели все равно, но дело не в этом, он формально отказался и пошел пожаловался Ельцину. А Ельцин сказал: «Не надо этого делать», — а они все равно это делали, но это другая уже тема, они же иначе не могут... Вот поскольку он это сказал и мне стало это известно, постольку надо ему показать, что мы это видим и это правильно так делать.

Ну, всю фракцию на это дело, это было бы сильно жирно, а вот треть фракции проголосовала за, да, и я сам проголосовал за вот по этой, только по этой причине, потому что это было уникальное явление для советского КГБ, что вот такое дело. Но это ничего общего не имело с президентством и вообще ни с чем таким. Было очень много разговоров, но было понятно, что у нас нет точек соприкосновения, мы по-разному видим жизнь.

«Непрошедшее время»: А почему, вы считаете, окружение Ельцина тогда поддержало именно Путина? На тот момент, осенью 1999 года, who is Mr. Putin? Это был преемник, который обеспечит гарантии?

Григорий Явлинский: Да-да-да, правильно, совершенно верно, да. Значит, они поддержали его, потому что им нужен был охранник. В сухом остатке, если в конечном счете говорить, то им нужен был охранник, который не будет пересматривать мошенническое распределение собственности, все.

«Непрошедшее время»: Мошенническое распределение собственности или все-таки демократический курс?

Григорий Явлинский: Какой демократический курс? В чем он выражался? В чем демократический курс? Куда? В чем? Путин вернул советский гимн тут же, всей душой поддерживает Зюганова, проводит его внешнюю политику всегда и сейчас, в частности, очень любит Коммунистическую партию, вот сейчас будет праздновать столетие государственного переворота 1917 года... Какой?

«Непрошедшее время»: Но они же не знали тогда, в 1999 году.

Григорий Явлинский: Ну как тогда назвать людей, которые всего этого не знают или не хотят слушать? Ну как их назвать? Вот это вот они, вот они за это все и получили. Вот они за это все и получили то, что они получили. Им же надо было понимать, что он, например, чеченский вопрос будет решать вот так вот, сдаст просто это все и все. Ну вот как, сдаст, и они пускай сами там контролируют, только при одном условии, что лояльны лично к нему, и все, а что там происходит, неважно, закрытая территория, ну и т.д.

Ну это же было ясно все, и это говорилось, и это... Я тогда выступал на выборах с тезисом, что Путин хуже, чем Зюганов, потому что он современный коммунист, Зюганов-то старый коммунист, а этот современный, это будет еще круче. Вот в чем тут дело. Я пришел третьим наконец, я пришел третьим, но ему написали 51% и все, и второго тура не было. Вот так.

«Непрошедшее время»: А почему вы говорите, что правительство Примакова было создано с вашей легкой руки?

Григорий Явлинский: Потому что это я уговорил Ельцина назначить Примакова.

«Непрошедшее время»: А почему? Расскажите, пожалуйста.

Григорий Явлинский: Потому что был очень большой кризис, вот о котором мы говорили, и Ельцин искал премьер-министра. А премьер-министра нужно было найти по нескольким критериям, на мой взгляд.

Во-первых, чтобы он устраивал Ельцина, но чтобы он еще и устраивал коммунистов. И во-вторых, чтобы он ничего не делал, про-

сто ничего. Лучше, чем академик Примаков, никто не подходил на эту роль. Он был идеальной кандидатурой. Его обожали коммунисты, потому что он всегда был КГБ, и его любил Ельцин, уж не знаю за что, ну за что-то, он же был министром иностранных дел... А к экономике он не имел вообще никакого отношения, вообще никакого.

И было понятно, что если его назначить, то все будут довольны, кризис в этом смысле будет исчерпан, делать он ничего не будет, а экономика будет вставать... Ее отправили в нокдаун, она будет вставать с ковра; сначала на колени, потом будет упираться руками, но она встанет, только ее не надо трогать, это же живой организм, портить не надо.

Ну и все, Ельцин меня послушался. А потом все были очень довольные, все кричали, что это они его назначили, — ну пожалуйста, они так они. Но он меня звал к себе работать, а вот это вот я не хотел, потому что в этом участвовать было неинтересно. Вот так появился Примаков.

«Непрошедшее время»: А почему, вы считаете, его убрали?

Григорий Явлинский: А как? Он сидел на двух коленях, а колени раздвинулись, когда решался вопрос об импичменте, и все. То есть сидеть на двух коленях можно, только пока колени рядом; когда колени раздвигаются... Одно колено — это был Ельцин, а другое колено было коммунистов; пока они держали колени рядом, значит, он сидел на них, а потом, когда они разъехались, он провалился между ними — вот, собственно, и все, потому что он был и за тех, и за этих. Он не мог голосовать за импичмент, но он и... И тогда они с Лужковым создали какую-то свою там партию, из которой ничего, конечно, не вышло. Вот, собственно, и все.

«Непрошедшее время»: То есть, вы считаете, он начал проявлять какую-то самостоятельность, да?

Григорий Явлинский: Пытался, пытался, да. Он же был популярным, потому что он... Ну как? Он был фигурой, вокруг которой, неважно, что он делал, но важно, что он был знаковой фигурой, которая прекратила кризис. Кроме того, он напал на Березовского, вообще такой был антиолигархический. Меня еще упрекали, что «зачем вот вы его придумали, видите, у нас

теперь трудности». А я решал задачу, чтобы не было конфликта, чтобы политически решилась задача.

«Непрошедшее время»: Но вы при этом выступали за импичмент.

Григорий Явлинский: А?

«Непрошедшее время»: Вы выступали за импичмент?

Григорий Явлинский: Да, я выступал за импичмент по одному пункту, по преступлениям в Чечне, а остальные пункты я не поддерживал и не голосовал за них. Но по одному пункту — да. Я считал, что это преступление, то, что там было сделано, там погибло очень много людей, гражданских, мирных, и вообще там было страшное дело. И в этом смысле я считал, что страна должна знать, что за такие вещи надо отчитываться, что должен быть отчет. Насколько это было реалистичное мероприятие, это другой вопрос, но то, что это была политическая позиция, — да, и это было для меня очень важно.

Три четверти фракции у меня поддерживали импичмент. Он не состоялся всего несколькими голосами, как голосование, но, я думаю, не нашими, а там чьими-то еще, не знаю чьими, там больше не хватало голосов, чем наших. Но у нас были такие верные демократы, которые были все равно за Ельцина, понимая все... А я считал, что надо учить, вот надо учить. Есть вещи, по которым нельзя договориться: раз до этого дело дошло, значит, все, нельзя договориться.

«Непрошедшее время»: Но все-таки, вот глядя из нашего прекрасного будущего на то время, оно выглядит достаточно демократичным, если можно было вообще говорить об импичменте президента, о каких-то голосованиях на эту тему, даже уже в 1999 году.

Григорий Явлинский: Ну да. Глядя из нашего времени, помимо того, что можно говорить, что там жизнь шла по-другому, но главное, что видно из нашего времени, как шаг за шагом то время привело к нашему времени. Вот все, что мы сегодня имеем, все было создано тогда, и по многим параметрам это точно вытекало прямо из того, что тогда происходило. Вот и все. Там прямо было ясно, что шаг за шагом ведут дело вот к тому, что мы получили сегодня. Весь фундамент этой системы был создан тогда.

К сожалению, сегодня никто не хочет это

так... Нет, это неправильно. К сожалению, немало людей сегодня не понимают этого, а это важно, потому что когда-то же надо будет делать все заново и надо будет понимать, что так, как тогда делалось, делать нельзя. Потому что там были просто очевидные вещи. Как я вам говорил, вот первоначальное накопление капитала преступно, да; второе, что цель оправдывает средства, «нам надо быстро-быстро, нам надо все быстро, потому что нам нужно быстро создать капитализм»; отказ от институциональных реформ; отказ от оценки сталинского режима, отказ от оценки советского режима как преступного. Без этого ничего сделать нельзя.

Поэтому мы имеем вот такой малопривлекательный гибрид сегодня, в котором императорский герб, советский гимн и типа демократический флаг. Это такой пазл, который разрушает самоидентификацию напрочь, и это целая трагедия, которая, боюсь, имеет довольно опасные перспективы. А это все продолжается.

И вот сегодня мы находимся на этапе, когда все это суммировалось и вылилось в войну, в войну с Украиной, вот эта Беловежская пуца, вот так проведенные реформы, вот такая политика, война в Чечне — все это вместе суммировалось и превратилось в войну. Так что эта история, она взаимосвязана, и это серьезные обстоятельства, которые требуют своей оценки, и это, я думаю, впереди.

Интервьюер: То есть с точки зрения экономики, вы считаете, они двигались слишком быстро, а с точки зрения каких-то социальных преобразований...?

Григорий Явлинский: Они не двигались никуда быстро — они двигались не туда. Скорость — это... При чем здесь скорость? В чем скорость, если вы раздаете крупнейшие активы крупнейшим предприятиям дружкам? При чем здесь скорость? Разве вопрос в скорости? Или вы устраиваете конфискацию, вместо либерализации цен вы устраиваете всеобщую конфискацию накоплений. Ну при чем здесь скорость? Или вы из-за каких-то глупостей разрываете все связи и прекращаете свободную торговлю — ну при чем здесь...? Разве дело в скорости?.. Это дело же не в скорости и не в радикализме даже.

Ну вот, например, много говорят о «шоковой терапии». Вот шоковую терапию я изучал

в Польше, например, когда она там происходила. Так там в чем было дело? Там произошла либерализация цен на сельскохозяйственную продукцию в условиях, когда там был частный сектор! И все, и сначала цены поднялись, потом упали и все, и появилась конкуренция, и насытился рынок. Ну а здесь-то были совсем другие условия, здесь нельзя было так сделать, потому что здесь не было частного сельского хозяйства никакого вообще. Ну и все.

И так я могу рассказывать про каждый экономический шаг — все делалось не в том деле, что быстро, а дело в том, что неправильно, и все это видели, и все это знали, и это можно было прочитать в любом учебнике.

«Непрошедшее время»: А идеологически, вы считаете, они довели работу до конца? Как вы отнеслись вот к тому суду над партией, который был?

Григорий Явлинский: Там ничего серьезно не было.

«Непрошедшее время»: Но, вы считаете, это должно было случиться?

Григорий Явлинский: Да, я считаю, что должна была быть дана государственная оценка большевистскому перевороту 1917 года, сталинскому периоду и вообще советскому периоду в целом. И это сняло бы проблему, которую потом наша страна до сих пор имеет с восточноевропейскими странами, со всем.

Просто надо было объяснить, что да, у нас было 70 лет смутного времени, они силой захватили власть, они власть захватили террором... Это же был террор, просто были террористы, говоря сегодняшним языком. Все, кто не за них, и вообще все, кто попался под руку, — всех просто убивали, в лучшем случае выгоняли, но вообще-то убивали.

Ну так надо же было это все объяснить, сказать об этом, чтобы закрыть эту страницу раз и навсегда. Народ как только получил хоть какое-то право голосовать, он сразу избрал другую власть, того же Ельцина, а до этого с ним просто разбирались как? Просто убивали всех, кто был против, и все. Это был просто политический... И тех, кто был за, тоже убивали... И против, и за — просто всех убивали, чтобы управлять ложью и страхом.

Вот Путин долгое время управлял деньгами,

пока они были, а если денег в стране не будет, опять будут управлять ложью и страхом. Это система такая, она же работать не дает, она же по-настоящему людям не дает возможность творить, создавать, быть свободными, так, как это положено в XXI веке. Поэтому как управлять? Либо всех покупать, либо страхом и ложью, вот и все.

«Непрошедшее время»: Вы считаете, у Ельцина была возможность на самом деле устроить люстрации или более серьезный суд над партией в тот момент, когда было вот такое противостояние?

Григорий Явлинский: Там было дело не в люстрации. Люстрация в России — это вещь особенная, потому что это тут же вам изготовят документы про всех, любые и все, это будет охота за ведьмами... Это превратится в кошмар.

Оценки нужно было дать политические. Нужно было сказать и принять это на уровне высших законодательных актов политических, что в 1917-м это был государственный переворот террористической группой, что потом был связан террор, что убили огромное количество людей, что Россия понесла невероятные потери, что потери в войне тоже связаны с крайне неэффективным военным и политическим руководством страны, что вот такой трагический был период в истории нашей страны — вот что надо было сделать, чтобы просто не было вот этого смещения настоящего с прошлым.

Это же такой хронотоп теперь получился, когда смешалось прошлое и настоящее, а будущее неизвестно и очень страшно. И вот что мы сегодня, в каком... И это все является таким постмодерном, таким постиндустриальным постмодерном с хронотопом, в котором смешивается прошлое и будущее каждую минуту. Ну вот это мы имеем. Ну как, как строить будущее в этих условиях? Вот в этом проблема же большая.

Поэтому я и говорю, что вот эти 25 лет прошли и сегодня очевидно, что попытка постсоветской модернизации потерпела крах. Вот мы присутствуем при этом, сейчас вот здесь сидим вот в этих именно условиях.

«Непрошедшее время»: Простите, я вас все время назад возвращаю, про это, конечно, интереснее сейчас, но... Я бы с удовольствием с вами

про настоящее поговорил...

Григорий Явлинский: Ну потому что это сейчас вот оно вот это.

«Непрошедшее время»: Да, я понимаю.

Григорий Явлинский: Вы же приедете ко мне лет через 30 и будете со мной говорить: «Помните, мы встречались в кинотеатре „Октябрь“?»

«Непрошедшее время»: Я бы с большим удовольствием про настоящее с вами поговорил...

Григорий Явлинский: Конечно. Тем более что сейчас такое настоящее, что мало не... Кстати, мы когда-нибудь с вами обсудим, что вот из-за такого особого вопроса, который выразился потом как Вашингтонский консенсус для нас, он для них превратился в Трампа. Но это большая тема, это начинается все с RAND Corporation в 1947 году, с лауреата Нобелевской премии Нэша, который тогда создал теорию игр и объяснял, что вот эта вот борьба индивидуалистов — это и есть баланс. Но он это создавал как оружие против Советского Союза идеологическое, а оно распространилось там как главенствующая философия у них, и оно захватило медицину, образование, психологию... В общем, там есть о чем поговорить, там есть о чем поговорить. И в итоге они получили передышку с Обамой, который был никакой, и в итоге получили Трампа, который очень даже такой...

«Непрошедшее время»: Можно еще буквально пару вопросов, да?

Григорий Явлинский: Да.

«Непрошедшее время»: Как вы отнеслись к амнистии ГКЧП и Руцкого с Хасбулатовым?

Григорий Явлинский: А как? Это же был отказ от расследования. Это не простая амнистия была — это Ельцин договорился с коммунистами о том, что в обмен на то, чтобы в новой Думе, которую создали в 1993 году, закрыть тему парламентского расследования событий 1993 года, он объявляет амнистию, вот и все. Он понимал, что он несет ответственность.

«Непрошедшее время»: То есть вы считаете, что Ельцин хотел амнистии?

Григорий Явлинский: Ну как? Вот я же вам говорю, в обмен. Они проголосовали... Это мы инициировали парламентское расследование, были созданы комиссии, там все, а потом он

с ними договорился, чтобы никакого парламентского расследования не было, но в обмен на это он объявит амнистию. Ну и все.

«Непрошедшее время»: То есть это не было актом примирения?

Григорий Явлинский: Ну как? Это был акт: вы не расследуете, но я вам их всех выпускаю. Вот и все.

«Непрошедшее время»: А вы считаете, что это был правильный акт? Не с точки зрения Ельцина, а вообще.

Григорий Явлинский: Нет, надо было парламентское расследование провести. Надо было показать, что доведение до братоубийства является политическим преступлением, вот что надо было сделать, чтобы больше такого, близко к этому не подходили в стране. Выводы какие-то из такого кризиса, почти начало гражданской войны — надо же было какие-то уроки извлекать, ну нельзя же было так это все просто бросить... Ну вот.

«Непрошедшее время»: И можно еще я вас про Чечню спрошу? У вас ведь тогда была очень активная позиция на эту тему.

Григорий Явлинский: Что?

«Непрошедшее время»: Как вы отнеслись к началу военных действий в Чечне и вообще к этой войне? Расскажите, вы же сами ездили в Чечню.

Григорий Явлинский: Ну да.

«Непрошедшее время»: Расскажите немножко про это.

Григорий Явлинский: Там опять было очень много лжи разной, со всех сторон, и это было очень драматично.

«Непрошедшее время»: Давайте я конкретный вопрос тогда задам. Возможно ли, по вашему мнению, было избежать военных действий?

Григорий Явлинский: Вы знаете, история — вещь такая, я не знаю. Я только знаю, что не было, на мой взгляд, приложено достаточно усилий, для того чтобы избежать военных действий. А можно ли было их избежать, я не знаю. Думаю, да, но это надо было предпринимать определенные шаги, вести определенные переговоры. Я там вел переговоры с тем же Дудаевым, когда я туда прилетал. Там...

Понимаете, тогда была общая почва, все так или иначе вышли из Советского Союза, все так

или иначе учились в советской школе, все смотрели те же фильмы, был общий язык, общий код, можно было разговаривать. Уже когда была Вторая чеченская война или когда, например, была Дубровка, уже невозможно было, это уже люди другие были. Тогда можно было договариваться, можно было.

«Непрошедшее время»: Вы Дудаева видели — с ним можно было договориться, вы считаете?

Григорий Явлинский: Я не знаю. У меня не было на это полномочий. Он меня обманул, а я все равно сделал по-своему, я все равно сделал. Правда, может, не он меня обманул, может, его окружение меня... Я же вывозил оттуда солдат. Вот я с ним договорился об этом, прилетел, а потом он мне говорит: «Нет». Я стал настаивать. «Ну хорошо, половину». Хорошо, договорились, половину. А потом, когда я приехал уже забирать ребят, в этот же день ночью, мне говорят: «Нет, они не поедут с вами». Я говорю: «Я хочу разговаривать с Дудаевым». Они говорят: «Он спит». Я говорю: «Мы с ним так условились». Ну вот. И я видел, что меня обманывают.

Но я своего добился, я привез людей и 20 гробов в Москву. Не полностью, не всех я освободил, половину только, но больше я не смог, а половину привез, живых и невредимых, отдал родителям возле входа в Государственную Думу. Значит, можно было как-то делать, если мне удалось такое?

Это же было связано с чем? Это же опять все то же самое, теперь буквально то же самое говорят про тех, кто на Донбассе. Говорят: «Мы ничего не знаем, это какие-то там наемники, это какие-то там отпускники». Они же их всех переодели, поменяли им документы, сказали, что они наемники. А Дудаев сказал: «Они наемники? Если они наемники и вы их не признаете своими, я их всех уничтожу».

Тогда я сказал, что нет, это наши солдаты, я беру ответственность. Степашин сказал, что это наемники, Грачев сказал, что это наемники, я не помню, кто тогда, Ерин был министром внутренних дел, тоже сказал, что наемники, а Ельцин промолчал. Ну и что? Все, их... Я сказал, что нет, это не наемники, это наши солдаты, они проводили спецоперацию по по-

ручению, я их признаю, ответственность. А они говорят: «Тогда мы их вернем», — но вернули только половину. Ну вот.

Так это продолжается. Вот как связаны времена-то! Вот я же вам вот и показываю, то же самое. Вот, видите, вот опять то же самое, теперь так на Донбассе то же самое, посылают туда и говорят: «А мы ничего не знаем, это они сами туда приехали». Сами танки купили, там в магазине, пушки и все, приехали сами туда. Ну так... Это уже вот я там все это видел, понимаете. Это все то же самое, вот в чем дело. Поэтому дело тут не в том, кто демократ и кто не демократ, — тут крупное дело, очень крупное, очень крупное событие.

«Непрошедшее время»: Григорий Алексеевич, давайте буквально на пару минут вернемся к 1996 году, когда Ельцин уговаривал вас войти в правительство и стать вице-премьером. Еще раз проговорите, пожалуйста, эту историю.

Григорий Явлинский: Нет, ну что?

«Непрошедшее время»: Вас Чубайс уговаривал там, да?

Григорий Явлинский: Да. Меня все уговаривали.

«Непрошедшее время»: Расскажите чуть подробнее об этом, почему они вас хотели.

Григорий Явлинский: Им нужны были голоса моих избирателей, их было немало. Немало было людей, которые были за реформы, но за другие и за другой стиль ведения реформ. Стиль, кстати, вещь очень важная, это не шутки, это... Вот 1993 год — это вопрос не содержания реформ даже, это вопрос стиля. Если бы разговаривал с людьми, то до такого бы не дошло. Ну и так далее, вот такие были проблемы.

Значит, было много людей, все образованные люди России, вот огромное число, были за реформы, но только за другие реформы, по-другому чтобы их вели. Вот я представлял это направление, я пытался в этом убедить Ельцина, но он не принимал это, но хотел воспользоваться мною, для того чтобы увеличить число голосов. Вот, собственно, и все.

«Непрошедшее время»: И когда вы отказались, что сказал Ельцин?

Григорий Явлинский: Ельцин давление на меня оказывал и все с нарастающей жесткостью со мной разговаривал. Сначала его аргу-

мент был, что «вы молодой человек, у вас еще все впереди, вы сейчас мне помогите, а потом...», ну и так далее. А я ему все время отвечал, что надо по-другому политику проводить, вот давайте договоримся об этом. Потом я даже опубликовал то, что я хотел бы от него увидеть, не то чтобы требование, но свое видение того, что нужно делать.

И однажды он, я не помню когда, может, это было и 6 мая, я не помню точный день, он начал все жестче и жестче нажимать и говорит: «Вы пожалеете». Я говорю: «Что значит, я пожалею? Что вы хотите сказать? Вы меня что? Вы Думу распустите, чтобы меня оттуда выгнать? Я снова изберусь. Или вы меня убить хотите? Так так и скажите». А он говорит: «Вы пожалеете, и ваша семья пожалеет!» Я говорю: «Все, в такой форме я вообще с вами не буду разговаривать!» — встал и пошел.

Он говорит: «Вернитесь». Я вернулся. Он говорит: «Снимите свою кандидатуру?» Я говорю: «Нет». И тогда он меня попросил наклониться и говорит: «Снимите свою кандидатуру?» Я говорю: «Нет». Он говорит: «И я бы не снял. До свидания». Вот и все. Ельцин был политик настоящий, он точно знал, что этого нельзя делать.

«Непрошедшее время»: У Ельцина на самом деле была какая-то такая харизма, про которую часто все говорят, что он умел очаровывать?

Григорий Явлинский: Да-да. Он был обаятельный человек. Ельцин был человеком крупным, очень крупным. Он воплощал в себе смену эпохи, понимаете. Кстати, как и Горбачев. Это же люди, на которых сконцентрирована смена эпохи. И человеком он был не злобным, не мстительным, а довольно широким, довольно открытым, и в этом у него были большие достоинства. По крайней мере я всегда относился к нему с уважением.

И он мне не раз говорил, что он не понимает меня, и потом в самом конце, незадолго до смерти, он сказал: «Я вас не понимал, а вы во многом были правы». И подарил мне свои воспоминания, три тома. Я говорю: «Борис Николаевич, но в этих воспоминаниях про меня написано иначе». Он сказал: «Григорий Алексеевич, ну не я же их писал», — вот. Так что вот в этом весь Борис Николаевич.

И то, что он за несколько месяцев до смерти пригласил меня к себе и был разговор, суть которого была, что «да, вы были правы, а я это не понимал», — это дорогого стоит, дорогого стоит. В этом вся жизнь.

Он же давал интервью, если вы найдете его, огромное интервью «Первому каналу» незадолго до смерти, последнее большое, это было где-то в январе, и там у него спросили: «Кто вам больше всех помог?» Вот вы никогда не догадаетесь, кого он назвал, и никто не догадается: «Шаймиев, — сказал Ельцин. — Потому что, когда была история с Чечней, если бы он ко мне повернулся спиной, все». Это говорит о том, что думают историки и политологи и что есть на самом деле.

А потом его спросили: «А кто был вашим главным оппонентом?» Он сказал: «Явлинский». Его спросили: «Разве не Зюганов?» — «Да какой Зюганов... Зюганов — это прошлое, а вот Явлинский — это было действительно дело». Вот это было его последнее интервью. И потом он со мной встретился. Потому что у нас с ним был вопрос о том, как идти вперед, и я говорил так, а он говорил эдак. Он даже не говорил — он принимал то, что ему там давали. Ну вот, вот в чем суть была. Ну а теперь, как я думаю, история все поставила на место уже, к сожалению, и все понятно, как надо было идти вперед. Теперь будем идти вперед.

«Непрошедшее время»: Удачи вам на новых выборах!

Григорий Явлинский: Ох, трудное дело, трудное дело, трудное дело... Но это так надо.

«Непрошедшее время»: Спасибо большое!

Григорий Явлинский: Вам спасибо.

Борис Рыжий

Русский поэт
8 сентября 1974 — 7 мая 2001

Борис Рыжий — поэт с трагической судьбой. Его посмертная слава, все возрастающая, превысила его прижизненную известность в родном Екатеринбурге. Так бывает с русскими поэтами, когда главная интонация творчества совпадает с главным содержанием времени. Одиночество, невозможность найти опору ни в чем, чувство безысходности, когда все, что есть перед глазами сейчас, воспринимается как мёртвая, не способная к изменению, данность. То, что составило главный мотив творчества Рыжего, мы все сейчас

переживаем. Поэтому его стихи попадают в самое больное, постоянно ноющее место.

Но Борис Рыжий не просто фиксирует это состояние: как настоящий художник, он находит выход в чистом поэтическом слове, во включении в поэзию не просто тех слов, какими полны улицы, — он придает этой разговорной, сниженной лексике знаковую ценность: сейчас — обо всем так. И каждый, кто читает его стихи сегодня, понимает, что его собственная жизнь, его опыт, пусть самый обычный, — часть большой истории.

В этом любовь поэта к жизни, понимание каждого человека, до которого часто никому нет никакого дела, ни ближнему, ни дальнему.

Поэту — есть дело.

Недаром первая строчка в его предметной записке: «Я всех любил».

Борис Рыжий многое понял и про свое конкретное время (излет советской власти, перестройка, 90-е гг, помноженные на специфику Екатеринбурга), и про время вообще. Его строчка, ставшая крылатой: «Как хорошо мы плохо жили», — обобщала его опыт. И наш тоже.

В России расстанутся навсегда...

В России расстанутся навсегда.
В России друг от друга города
столь далеки,
что вздрагиваю я, шепнув «прощай».
Рукой своей касаюсь невзначай
ее руки.
Длиною в жизнь любая из дорог.
Скажите, что такое русский Бог?
«Конечно, я
приеду». Не приеду никогда.
В России расстанутся навсегда.
«Душа моя, приеду».
Через сотни лет вернусь.
Какая малость, милость, что за грусть —

мы насовсем
прощаемся. «Дай капельку сотру».
Да, не приеду. Видимо, умру
скорее, чем.
В России расстанутся навсегда.
Еще один подкинь кусочек льда
в холодный стих.
...И поезда уходят под откос,
...И самолёты, долетев до звёзд,
сгорают в них.

1996 г.

Ничего не надо, даже счастья

Ничего не надо, даже счастья
быть любимым, не
надо даже тёплого участия,
яблони в окне.
Ни печали женской, ни печали,
горечи, стыда.
Рожей — в грязь, и чтоб не поднимали
больше никогда.
Не вели бухого до кровати.
Вот моя строка:
без меня отчаливайте, хватит
— небо, облака!

Жалуйтесь, читайте и жалеите,
греясь у огня,
вслух читайте, смейтесь, слёзы лейте.
Только без меня.
Ничего действительно не надо,
что ни назови:
ни чужого яблоневого сада,
ни чужой любви,
что тебя поддерживает нежно,
уронить боясь.
Лучше страшно, лучше безнадежно,
лучше рылом в грязь.

Прежде чем на тракторе разбиться...

Прежде чем на тракторе разбиться,
застрелиться, утонуть в реке,
приходил лесник опохмелиться,
приносил мне вишни в кулаке.
С рюмкой спирта мама выходила,
менее красива, чем во сне.
Снова уходила, вишню мыла
и на блюде приносила мне.
Патронташ повесив в коридоре,
привозил отец издалика
с камышами синие озера,
белые в озерах облака.

Потому что все меня любили,
дерева молчали до утра.
«Девочке медведя подарили», -
перед сном читала мне сестра.
Мальчику полнеба подарили,
сумрак елей, золото берез.
На заре гагару подстрелили.
И лесник три вишенки принес.
Было много утреннего света,
с крыши в руки падала вода,
это было осенью, а лето
я не вспоминаю никогда.

1999 г.

В те баснословные года

В те баснословные года
нам пиво воздух заменяло,
оно, как воздух, исчезало,
но появлялось иногда.
За магазином ввечеру
стояли, тихо говорили.
Как хорошо мы плохо жили,
прикуривали на ветру.

И, не лишенная прикрас,
хотя и сотканная грубо,
жизнь отгораживалась тупо
рядами ящиков от нас.
И только небо, может быть,
глядело пристально и нежно
на относившихся небрежно
к прекрасному глаголу ЖИТЬ.

1997 г.

Гражданская
акция

Скажи миру

ДА!

С 22 апреля 2022 года партия «Яблоко» проводит акцию «Скажи миру ДА!».

Мы публикуем видео с фрагментами из книг или музыкальных произведений, при помощи которых люди выражают свою гражданскую позицию по поводу трагических событий в стране и за ее пределами, призывают к миру и гуманизму.

 Яблоко

Ждем ваши видео с чтением отрывков из произведений, которые, по вашему мнению, наиболее точно отражают ваше отношение к происходящему.

 peace@yabloko.ru

Участие поможет не только вам сказать миру «ДА!», но и вдохновит других людей.

Смотри. Публикуй. Если готов – участвуй!